

ЛАМПА ПОСЛЕДНЕГО ЭТАЖА

АННА ЛУНЦЕВА

Анна Лунцева

Лампа последнего этажа

«Автор»

2026

Лунцева А.

Лампа последнего этажа / А. Лунцева — «Автор», 2026

В Невени запрещены тени: они продают невысказанные секреты и забирают у владельцев связанные воспоминания. Поэтому город живёт под вечным светом, а курьерка Лада Орш доставляет отражения тем, кого уже нет. Однажды законный маршрут приводит её на несуществующий последний этаж. Там Лада обнаруживает рынок чужих лиц, спрятанный внутри Палаты доставок. Чтобы раскрыть его, ей приходится работать с инспектором Марком Савиным — человеком, чья собственная тень однажды предала свидетельницу и чьему раскаянию нельзя поверить на слово. Когда единая лампа превращает любую тайну в товар, Лада должна отдать своё отражение, не позволив сделать из себя спасительницу, говорящую за весь город. Это история о памяти, границах и доверии, которое подтверждается не доступом к чужой жизни, а поступками.

© Лунцева А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

От автора	5
Глава 1. Адресат умер дважды	6
Глава 2. Город без теней	10
Глава 3. Инспектор Савин	16
Глава 4. Последний этаж	22
Глава 5. Лицо отправителя	31
Глава 6. Сестра чинит свет	39
Глава 7. Квитанция без подписи	45
Межчасть I. Недоставлено	49
Глава 8. Столовая Симы	50
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Анна Лунцева

Лампа последнего этажа

От автора

У каждого человека есть то, что он вправе не рассказывать. Не потому, что правда постыдна, а потому, что близость без границ превращается в досмотр, забота — в контроль, а память — в товар.

Эта история начинается в городе, который победил тени с помощью вечного света. Его жители считают себя защищёнными, пока ночная курьерка не обнаруживает: исчезновение тени не уничтожает тайну, а лишь передаёт власть над ней тому, кто управляет лампами.

«Лампа последнего этажа» — роман о праве распоряжаться собственной историей, о цене удобного забвения и о доверии, которое нельзя получить служебным доступом. В нём нет простого выбора между светом и тьмой. Есть люди, которым предстоит научиться оставлять друг другу полутень — место, где можно быть рядом, не становясь прозрачными.

Отражения в этой книге не хранят душу и не выносят окончательный приговор прошлому. Они показывают лишь одну из версий, которую человек когда-то сумел увидеть. Поэтому главный вопрос здесь не в том, можно ли восстановить всё утраченное, а в том, кто вправе решать, что именно должно быть возвращено, сохранено или забыто.

Пусть путь по лестницам Невени останется напоминанием: согласие действительно только там, где возможен отказ, а заслуженная близость не стирает границы — она помогает им стать видимыми.

Глава 1. Адресат умер дважды

В первый раз господин Терен Вель умер в своей постели, при свидетеле и с врачом у двери.

Во второй — открыл Ладе сам.

Он стоял на пороге квартиры девяносто один, придерживая полы домашнего халата. За его плечом горела лампа с матовым колпаком, поэтому тени у него не было. Отражение в настенном зеркале тоже отсутствовало.

— Вы опоздали, — сказал он.

Лада сверилась с латунной табличкой и квитанцией. Дом, этаж и квартира сходились. Не сходилась только адресат, похороненный одиннадцать дней назад.

— Палата последних отправления. Доставка для Терена Аловича Веля.

— Я умею читать нашивку.

Он был похож на покойного с посмертного листа: худой нос, короткая седая борода, след ожога у виска. Но лист показывал закрытые глаза, а эти были открыты и сердиты.

— Назовите год рождения адресата.

— Сорок второй от Зажжения.

— Последнюю признанную комнату.

— Эту.

— Вещь узнавания.

Терен протянул руку.

— Она у вас в сумке.

Между ними оставалось два шага. По инструкции Лада должна была отойти, запечатать зеркальный конверт во второй чехол и вызвать инспектора. По другой инструкции она обязана была закончить проверку адреса прежде, чем признать доставку опасной. Палата любила правила, которые сталкивались на узких лестницах и требовали от курьера самой выбрать, какое нарушить.

— Опишите вещь.

— Серебряная расчёска. Один зубец сломан. На спинке ласточка.

В сумке лежала именно такая расчёска, завёрнутая в серую ткань. Вдова утверждала, что Терен каждое утро приглаживал бороду перед маленьким зеркалом. Так он узнавал себя человеком, который ещё способен выйти к семье.

— Покажите левую ладонь, — попросила Лада.

Терен усмехнулся, но поднял обе руки. Ладони были гладкими.

Настоящую примету Лада знала не из листа. Вдова шепнула уже после запечатывания конверта: в юности Терен раскрасил ладонь о витрину и всю жизнь прятал шрам.

Перед Ладой стоял человек без шрама. Или версия человека, в которой он никогда не разбивал витрину.

— Доставьте, — потребовал Терен.

— Сначала проверю комнату.

— Курьерам запрещено переступать порог последней комнаты.

— Если адресат жив, это обычная доставка. Если умер — вы не можете запретить осмотр. Выберите, кем хотите считаться до конца проверки.

Его черты на миг расплылись, словно Лада смотрела сквозь горячий воздух. Потом он отступил.

Квартира была слишком чистой для дома, где недавно умер старик. На стенах висели семь зеркал, повёрнутых стеклом внутрь рамы. Так делали после смерти, чтобы поверхности не собирали новые версии умершего из горя живых.

Лампа стояла на полу. Её провод уходил вверх, сквозь потолок, хотя домовая линия проходила по стене.

В кабинете сохранилось светлое пятно от расчёски. Маленькое зеркало было открыто. Оно отражало стол, лампу и пустое кресло.

Терена в стекле не было.

Лады тоже.

Обычно зеркало схватывало её неохотно: курьеры носили серые плащи, матовые пуговицы и сетчатые вуали, чтобы не примешать своё лицо к отправлению. Но хотя бы контур оставался. Сейчас стекло показывало пустоту там, где стояли двое.

— Это не последняя комната, — сказала Лада.

Терен закрыл дверь.

— Она станет последней, когда вы откроете конверт.

Под креслом темнела узкая полоса, не соответствовавшая ни одной ножке.

— Кто вас сюда доставил?

— Вы. Не меня — возможность меня.

Его кожа приобрела тусклый зеркальный блеск, а халат повторил узор обоев. Перед Ладой было не содержимое её конверта, а старое отражение, уже поселенное в ложной комнате. Новая доставка должна была дополнить его.

— Чего вам не хватает?

— Того утра. Она знает.

Он указал на сумку.

В квитанции значилось обычное желание: передать умершему последние увиденные версии себя. Но вдова могла хотеть узнать, куда Терен ушёл в последнее утро и что скрыл перед смертью. Недоставленное отражение постепенно повторяло желание отправителя и выдавало его за волю адресата.

— Я верну отправление на проверку, — сказала Лада.

— Тогда Эльза никогда не узнает.

— В квитанции вдова записана как Лиора.

— Эльза была раньше.

Полоса под креслом выползла наружу и коснулась ножки стола. Лада сразу забыла, какого цвета был ковёр в комнате матери.

Потеря оказалась маленькой и страшной. Она помнила, как Вея пролила на ковёр вишнёвый отвар, как мать вырезала испорченный угол. Цвет исчез. В памяти зияла бесцветная форма.

Тень заключила сделку без согласия.

— Кто владелец тени? — спросила Лада.

Терен посмотрел на провод, уходящий в потолок.

Лампа погасла.

Темнота в Невени никогда не приходила сразу. Сперва вспыхивали аварийные стёкла, затем световой колодец заливался молочным светом, потом Управление присылало патруль. На всё уходило семьдесят ударов сердца.

На первом ударе Лада сорвала сумку с плеча. На пятом отщёлкнула запасной чехол. На девятом Терен бросился к конверту.

Она швырнула сумку под кресло. Когда старое отражение изменило движение, Лада ударила ладонью по открытому зеркалу. Стекло осталось освещённым запасом прежних взглядов. Фигура Терена раздвоилась: одна стояла у кресла, другая запоздала на половину шага в стекле. Между ними натянулась тонкая нить.

Лада выдернула курьерскую шпильку и перерезала её.

Комната наполнилась звоном. Терен рассыпался отражёнными лицами — молодым, старым, испуганным — и исчез в маленьком зеркале.

Тень осталась. На полированной кромке стола она показала молодой Терена, выходящего с расчёской в кармане. На лестнице его ждала женщина в старой форме Палаты. На воротнике блестел знак старшей курьерки Агны Крой.

Агна протянула ему нумерованный конверт.

Тень предлагала продолжение. Цена уже началась с цвета ковра; дальше могло исчезнуть лицо матери над ним или голос Веи. Тени не называли плату заранее.

— Нет, — сказала Лада. — Я не покупаю.

Она закрыла зеркало серой тканью. Под дверью уже проступал аварийный свет, и контур тени рассеялся.

Замок снаружи щёлкнул. Дверь распахнулась, мужчина в инспекторском пальто направил на Ладу ручную лампу. За его плечом лежала чёткая человеческая тень.

— Не двигаться.

— Если вы из Управления, уберите направленный свет. Здесь была отделённая тень.

— Знаю. Она вызвала меня раньше, чем погасла лампа.

Он вошёл. Его собственная тень на мгновение задержалась в коридоре, словно не хотела следовать за хозяином, а потом скользнула внутрь. Инспектор заметил взгляд Лады и спрятал контур под полую пальто.

— Марк Савин, Управление теневой безопасности. Где отправление?

Печать на зеркальном конверте была цела, но в углу появилось тёмное пятно.

— Не вскрыто. Адрес ложный. Здесь находилось ранее доставленное отражение Терена Вея.

— Невозможно. Вель получил разрешение на одно посмертное отправление.

— Значит, первое было незаконным.

— Или вы принесли два.

Лада протянула квитанцию, не отдавая конверт.

— Сверьте вес сумки, осмотрите печать и опросите домовую линию.

— И откройте отправление.

— Нет. Теневой след позволяет изолировать конверт, но не читать чужое отражение.

Они смотрели друг на друга в сером свете. Марк первым опустил лампу.

— Согласен.

Он показал Ладе пустой складной чехол и дождался, пока она сама вложит конверт. Пломбу поставили вдвоём: инспекторскую поверх курьерской.

Это не было доверием. Но оказалось правильным действием человека, которому Лада не доверяла.

— Что показала тень? — спросил Марк.

Рассказать об Агне значило обвинить начальницу на основании незавершённой сделки. Умолчать — скрыть след.

— Непроверенный образ, — ответила Лада. — Опишу его при независимом свидетеле от Палаты.

— Вы диктуете условия инспектору?

— Сохраняю цепь доставки.

Марк посмотрел на пятно под двойной пломбой.

— Тогда пойдём вместе.

— Я не арестована. И конверт остаётся под моей ответственностью.

— Под общей ответственностью до выяснения.

— Это разные формулировки.

— Я заметил.

В коридоре снова горели лампы. Жильцы проверяли пол под ногами. Ни у кого не было тени. Только тень Марка оставалась бледной и на полшага отставала.

На пути вниз Лада насчитала девяносто одну квартиру. Дом должен был закончиться здесь.

Но над площадкой Терена лестница уходила выше.

На плане такого этажа не существовало.

Наверху горела одинокая лампа.

Глава 2. Город без теней

Лада не поднялась к одинокой лампе.

Это решение далось ей труднее, чем бегство из комнаты Терена Вея. Лестница начиналась прямо над девяносто первой квартирой — двенадцать узких ступеней, которых не было ни на домовом плане, ни в памяти Лады. Свет наверху лежал ровным медовым прямоугольником. В городе белых ламп такой цвет означал либо старое стекло, либо намеренную ложь.

Марк Савин поставил ногу на первую ступень.

— Стойте, — сказала Лада.

— Там источник незаконной линии.

— А у нас отправление с двойной plombой и свидетель, который исчезнет, если мы оставим его без охраны.

Она кивнула на дверь квартиры. Внутри, за серой тканью, оставалось зеркало со старым отражением Терена. Перерезанная связь не уничтожила его; она лишь лишила комнату возможности выдавать эту версию покойного за человека. Если лампа наверху зажжётся сильнее, отражение могло собрать себя снова.

Марк медленно убрал ногу.

— Вы всегда отступаете перед лестницами?

— Только перед теми, которые появились раньше отчёта о них.

— Удобное правило.

— Оно сохраняет курьеров живыми.

Он посмотрел вверх. Его тень растянулась по стене и тоже будто смотрела — но не туда, куда хозяин. Тёмная голова была повернута к Ладиной сумке.

Лада закрыла её клапан ладонью.

Марк заметил движение.

— Моя тень под надзором.

— Вашим?

— Управления.

— Это не одно и то же.

Внизу хлопнула дверь. Дом возвращался к своему обычному беспокойству: жильцы проверяли лампы, считали детей, заглядывали под мебель. После каждого сбоя люди Невени убеждались, что у них ничего не выросло из ног. Так их учили ещё в школе.

Марк вызвал караул и велел опечатать верхнюю лестницу. Он говорил в переговорную пластину коротко и точно, не называя содержимого конверта. Лада отметила это как второе правильное действие. Два правильных действия ещё не составляли характер, но уже мешали считать человека простым врагом.

Когда прибыли двое инспекторов, один остался у квартиры, другой натянул поперёк ступеней серебряную нить. Лампа наверху мигнула, словно поняла, что её заметили.

— Теперь в Палату, — сказал Марк.

— Сначала я закончу маршрут.

— Отправление изъято до проверки.

— Изолировано совместно. Не изъято.

— Вы любите формулировки.

— Они решают, кто потом скажет, что имел право открыть чужую память.

Марк помолчал и отступил от двери, пропуская её первой.

На седьмом этаже Лада поняла, что забыла не только цвет ковра.

Она помнила квартиру матери: окно во двор, печную плиту с трещиной, стол, который Вея качала коленом. Помнила, как мать вырезала испорченный угол ковра после пролитого вишнёвого отвара. Но не могла вспомнить, почему пятно решили не отмывать.

Раньше за этой историей стоял смех. Теперь осталось знание о смехе без самого звука — пустая подпись под отсутствующим изображением.

Лада остановилась на площадке.

— Что у вас забрали? — спросил Марк.

Она не спрашивала, откуда он понял.

— Цвет.

— Только цвет?

— Уже нет.

Марк снял перчатку и достал из внутреннего кармана плоскую полоску чёрного стекла.

— Посмотрите в неё и назовите потерю.

— Инспекторский учёт?

— Личная проверка границы сделки. Стекло ничего не записывает.

— Откуда мне это знать?

Он повернул полоску к себе. В ней не появилось лица — лишь два светлых пятна глаз.

— Если бы записывало, оно показало бы номер пломбы по краю. Проверяйте.

Лада осмотрела оправу. Номер отсутствовал. Она всё равно не взяла стекло.

— Назову без него. Ковёр в комнате матери. Цвет и причина, по которой мы оставили пятно.

— Не пытайтесь восстановить догадкой.

— Почему?

— Тень продаёт невысказанное, но берёт воспоминание целиком. Если заделывать дыру чужой версией, вы перестанете понимать, где потеря, а где выдумка.

Он говорил не как человек, выучивший наставление. Так предупреждают о ступени, на которой сами когда-то упали.

Лада продолжила спуск.

— Значит, вы знаете цену.

— Все инспекторы знают.

— Я спрашивала не всех.

Марк надел перчатку.

— А я ответил так, как счёл допустимым.

У подъезда их встретил город без теней.

Главная линия снова работала. Под карнизами горели лампы, на перекрёстках сияли световые башни, окна первых этажей отбрасывали на мостовую белые прямоугольники. Свет шёл сверху, снизу и с обеих сторон, уничтожая каждый тёмный контур прежде, чем тот успевал отделиться от обуви.

Невень гордился этим. На стене напротив висела мозаика: человек поднимал лампу, а у его ног распадалось чёрное чудовище. Подпись гласила: «Нечего скрывать — нечем торговать».

Лада всегда считала лозунг дурной работой. Скрывать следовало многое: чужие письма, детские страхи, имена свидетелей, последнее выражение лица умирающего. Курьерская тайна существовала не для преступников. Она оставляла человеку границу, за которой тот принадлежал себе.

— До Палаты три квартала, — сказал Марк. — Пойдём по освещённой оси.

— Мой следующий адрес на Угольном спуске.

— Маршрут приостановлен.

— Один конверт изолирован. Остальные должны прибыть до полуночи.

Он посмотрел на сумку. Кроме зеркального отражения Терена, в ней лежали два плоских футляра: детское отражение для семейного хранилища и возвращённая версия женщины, которая при жизни запретила передавать её детям образ из больничной палаты. Обычные доставки. Именно из таких вещей складывалось право человека не остаться после смерти только чьим-то удобным воспоминанием.

— Я сопровождаю вас до Палаты, — решил Марк.

— Тогда сопровождайте по маршруту.

— Вы торгуетесь с законом?

— Со временем.

Он сверился с башенными часами.

— Семнадцать минут на Угольный спуск. Потом прямо в Палату.

— Двадцать две.

— Восемнадцать.

— Двадцать. И вы не входите в комнату доставки без приглашения адресата.

— Если не обнаружу теневой след.

— Если обнаружите — сначала называете его мне.

— Это не рынок, Орш.

— Тогда перестаньте сбивать цену.

Угол его рта едва заметно дрогнул.

Они пошли вниз по улице.

Ночной маршрут Лады пролегал там, где официальный город заканчивался на два шага раньше настоящего. Она знала, какой мостовой фонарь загорается с опозданием, где булочная выпускает пар и на семь вдохов мутнеет надзорное стекло, в каком дворе жильцы накрывают лампу жестяной крышкой, чтобы младенец мог уснуть. Эти маленькие нарушения делали Невень обитаемым.

Марк держался рядом, но не пытался забрать сумку. Прохожие узнавали его форму и расступались. Некоторые невольно смотрели ему под ноги.

Его тень теперь почти совпадала с шагом хозяина.

Почти.

У мастерской Веи Лада замедлилась. За широким окном младшая сестра стояла на стремянке и меняла треснувший колпак. Свет делал её волосы бледнее, чем они были. Лада хотела постучать, спросить про ковёр, услышать правильную историю — и тут же вспомнила предупреждение Марка.

Не заделывать дыру чужой версией.

Вея увидела её и подняла руку. Лада ответила тем же, не останавливаясь.

— Почему не вошли? — спросил Марк.

— Не относится к проверке.

— Я не составляю протокол на каждый ваш вдох.

— Но можете.

— Могу, — согласился он. — Поэтому лучше различать возможность и намерение.

На Угольном спуске света стало меньше. Здесь жили стеклодувы, печники и чистильщики ламповых шахт. Управление позволяло им рабочую полутень: без неё нельзя было определить изгиб раскалённого стекла. По окончании смены каждый сдавал контуры в медные ящики у ворот.

Лада остановилась у дома с зелёной дверью.

— Ждите снаружи.

— Восемнадцать минут уже прошли.

— Вы сами потратили две на вопросы.

— Семнадцать секунд.

— Значит, у нас обоих хорошая память.

Слова задели больше, чем должны были. Марк это понял и отвёл взгляд.

— Идите, — сказал он.

Детское отражение приняли родители мальчика, пережившего лихорадку. Сам мальчик спал в соседней комнате. Вещью узнавания была деревянная лошадка: ребёнок когда-то увидел себя в отполированном боку игрушки и рассмеялся. Родители хотели сохранить версию сына до болезни, но по правилам хранилища не имели права открыть футляр без него.

— А если он не захочет смотреть? — спросил отец.

— Тогда не откроете, — ответила Лада.

— Но мы заказали.

— Вы заказали сохранение. Не согласие.

Мать прижала футляр к груди, потом спохватилась и положила на стол.

— Он нас не узнавал три дня. Я просто хочу знать, что прежний он никуда не исчез.

— Отражение этого не докажет. Оно покажет, каким он себя видел рядом с игрушкой.

Когда проснётся, спросите его.

Лада получила подпись и вышла. Марк стоял у противоположной стены, точно там, где она оставила его.

— Вы могли приказать им открыть футляр, — сказал он.

— Могла нарушить закон, вы хотите сказать.

— Родители — законные хранители.

— Хранители вещи. Не владельцы лица.

— Палата делает такое различие не всегда.

— Поэтому у неё есть курьеры.

Они двинулись обратно. У ворот стеклодувной артели звякнул первый медный ящик: рабочий сдавал полутень после смены. Он встал на белый круг, поднял руки, и тёмный контур втянулся в прорезь. Проверяющая лампа мигнула зелёным.

Второй рабочий вышел следом. Его тень держалась за пятки слишком крепко.

Надзиратель прибавил свет. Мужчина вскрикнул. Контур вытянулся, оторвался и ушёл в ящик, а хозяин покачнувшись, будто у него вынули кость.

Лада почувствовала, как двойная пломба в сумке стала холодной.

— Что это? — спросила она.

Марк уже смотрел не на ящик, а на узкий переулок справа.

Все лампы там погасли одновременно.

Не авария: свет на основной улице не дрогнул. Кто-то аккуратно вырезал из города прямоугольник темноты.

Из переулка донёсся голос:

— Лада Орш.

Он звучал как шорох нескольких подошв.

Марк вынул ручную лампу, но не зажёл её.

— За мной.

— В темноте ваша форма хуже моей, — сказала Лада.

— Зато моя тень знает их язык.

При этих словах контур у его ног замер.

Из переулка выползла чужая тень. Она не принадлежала ни одному видимому человеку: длинная женская фигура в шляпе, хотя ночь была безветренной и рядом никто не носил шляпы. Тень остановилась у границы света.

На стене за ней возникло изображение семейной комнаты. Мать сидела на полу у ковра, Вея плакала над разлитым отваром, а маленькая Лада держала в руке ножницы.

Вот почему вырезали угол.

Ответ находился в одном шаге.

— Не смотрите, — сказал Марк.

— Оно уже забрало эту память.

— Теперь продаёт вам замену.

Тень беззвучно раскрыла ладонь. На ней лежало утро: медный солнечный прямоугольник на полу, запах подгоревшей каши, мать у окна. Лада узнала день, хотя не смогла бы назвать его. Последнее спокойное утро перед тем, как отец ушёл из дома.

Цена пришла не словом, а ощущением. Тень хотела секрет, который Лада никогда не произносила даже Вее: отец ушёл не из-за долга. Лада видела, как он уносил из материнской комнаты зеркальный осколок, и промолчала.

Если отдать секрет, исчезнет связанное утро. Может быть, исчезнет и вина. Тень предлагала облегчение вместе с доказательством.

— Я не продаю, — сказала Лада.

Изображение стало ярче. Мать обернулась к маленькой Ладе. Её губы сложились в слово, которого взрослая Лада не слышала двадцать лет.

Она шагнула к переулку.

Марк не схватил её. Он встал между Ладой и стеной, заслонив изображение собственным телом.

— Уберите себя, — тихо сказала она.

— Скажите ещё раз, что не согласны.

— Это моя сделка.

— Поэтому решение должно прозвучать вашим голосом, а не моим приказом.

Тень Марка вытянулась из-под пальто и коснулась границы тёмного переулка. Женская фигура в шляпе наклонилась к ней, словно узнала старого знакомого.

Марк побледнел.

— Лада.

Впервые он назвал её без фамилии. Не как просьбу о близости — как напоминание, что имя ещё принадлежит ей.

— Не согласна, — сказала Лада. — Не отдаю секрет. Не покупаю воспоминание.

Тень в шляпе ударила по стене. Кусок предложенного утра рассыпался: солнце отдельно, руки матери отдельно, пустое место вместо отца. Потом всё втянулось в переулок.

Ручная лампа Марка вспыхнула лишь после этого. Белый луч прошёл по камням. Никого.

Только на стене осталась зеркальная метка — такая же двойная дуга, как тёмное пятно на конверте Терена.

Лада обошла Марка и присела у метки. Не касаясь, измерила её курьерской нитью.

— Оно знало мой маршрут.

— И вашу потерю.

— Потерю могло узнать в комнате. Маршрут — только из Палаты или домовой линии.

Марк осветил стену сбоку. В зеркальном блеске проявились мелкие буквы.

«ПОСЛЕДНИЙ ЭТАЖ. ВХОД ОПЛАЧЕН».

— Чем? — спросил Марк.

Лада коснулась сумки. Под двойной пломбой что-то один раз толкнулось, будто конверт пытался вспомнить сердце.

— Моим забытым утром.

— Вы отказались.

— От второй сделки. Первая уже произошла в квартире Веля.

Над ними погасла уличная лампа.

Потом следующая.

Темнота пошла вверх по Угольному спуску, зажигая на стенах десятки человеческих теней. Люди останавливались, видели собственные контуры и кричали, будто встретили незнакомцев.

Марк поднял переговорную пластину.

— Савин, локальное гашение на Угольном. Перекрыть спуск. Никому не давать сделок. Повторяю: не отвечать теням, даже если предлагают утра, имена или лица.

Его собственная тень не повторила жест. Она стояла, опустив руку, и смотрела на Ладу.

— В Палату, — сказал Марк. — Теперь без торгов.

Лада затянула ремень сумки.

— Сначала за независимым свидетелем.

— К кому?

— К Енне в архив. Если кто-то в Палате продаёт маршруты, я не отдам ему единственный конверт с меткой.

— Вы подозреваете своё руководство.

— Я подозреваю того, кто знал, где я окажусь. Вы тоже знали.

Марк выдержал её взгляд.

— Тогда свидетель нужен нам обоим.

По обе стороны улицы тени шевелились у ног хозяев, пробуя новые голоса.

Лада пошла первой. Она не помнила цвета материнского ковра, причины вырезанного угла и последнего спокойного утра перед исчезновением отца. Но помнила свой отказ.

Пока этого было достаточно, чтобы не отдать тени всё остальное.

Глава 3. Инспектор Савин

К архиву Палаты вели два пути: официальный, залитый светом, и короткий, которым пользовались те, кто носил чужие тайны тяжелее собственной сумки.

Лада выбрала короткий.

Он шёл через старую галерею водомерщиков. Здесь лампы висели редко, под потолком тянулись трубы, а на мокрых стенах возникали смутные контуры. Закон не считал их тенью: у водомерщиков имелось рабочее исключение, как у стеклодувов. Город вообще умел переименовывать опасность, если без неё нельзя было чинить трубы.

— Мы уходим от перекрытия, — сказал Марк.

— Мы идём к свидетелю.

— По незарегистрированному маршруту.

— Поэтому его не нашли раньше нас.

Позади звенели сигнальные колокольчики. Управление закрывало Угольный спуск. Каждый удар означал новую световую заставу, но галерея оставалась тёмной.

Лада шла, считая повороты. После пятого двойная пломба в сумке снова похолодела. Она остановилась.

— Что?

— Отправление отзывается на направление.

— На архив?

Она сделала шаг вперёд. Холод усилился. Шаг назад — ослаб.

— На что-то за архивом или над ним.

Марк достал переговорную пластину. Экран оставался серым: под трубами связь не работала.

— Передайте мне сумку.

— Нет.

— Это уже не просьба курьеру.

— Тогда назовите основание задержания.

Вода капала в жестяной желоб. Тень Марка лежала сразу на двух стенах из-за разнесённых ламп и потому казалась раздвоенной. Один контур повторял его стойку. Второй держал руку протянутой к Ладе.

Марк не протягивал руки.

— Незаконный теневой след на упаковке, — сказал он. — Связь отправления с местом массового гашения. Угроза новой сделки. На этих основаниях я задерживаю предмет до установления безопасности.

— Вскрытие?

— Только по постановлению дежурного магистра или при непосредственной угрозе жизни.

— Кто несёт предмет?

— Я.

— Тогда цепь доставки нарушена.

— Она уже нарушена.

— Нет. Пока сумка на мне, я отвечаю за доступ. Вы можете задержать нас обоих.

Марк взглянул на раздвоенный контур. Вторая тень приблизилась к Ладиной обуви на ширину пальца.

— Орш, отойдите от стены.

— Я вижу.

— Отойдите.

Она шагнула в полосу верхнего света. Лишняя тень исчезла. Марк выдохнул и только тогда достал из кармана красную ленту задержания.

— Сумка остаётся на вас. Вы считаетесь сопровождающей задержанный предмет и обязаны следовать распоряжениям инспектора в пределах протокола.

— Запишите, что предложила этот вариант я.

— Непременно. Чтобы начальство знало, кого благодарить за лишнюю страницу.

Он продел ленту через кольцо сумки и закрепил второй конец на своём запястье. Теперь между ними тянулась алая полоса длиной в два шага.

— Это обязательно? — спросила Лада.

— Иначе вы можете уйти с задержанным предметом.

— А так уйду вместе с инспектором.

— Попробуйте.

Они продолжили путь, вынужденные согласовывать шаг. На узких поворотах Марк пропускал Ладу вперёд, не касаясь спины. После третьего такого поворота она перестала ждать, что он воспользуется лентой как поводом приблизиться.

— Ваша тень пыталась коснуться сумки, — сказала она.

— Она реагирует на другие отделённые тени.

— Как ищейка?

— Как осуждённая, которая хочет уменьшить срок.

— Теням назначают срок?

— Владельцам назначают надзор. Тени срока не понимают.

— Зато понимают выгоду.

Марк ничего не ответил.

У выхода из галереи стояли трое инспекторов. Их ручные лампы были направлены внутрь, превращая мокрый проход в белый тоннель.

Старший поднял жезл.

— Савин. Приказ начальницы Крой: доставить курьера и отправление в центральную досмотровую.

Алая лента натянулась. Лада остановилась первой.

— Когда отдан приказ? — спросил Марк.

— Четыре минуты назад.

— Формулировка об отправлении?

— Особо опасный носитель теневой сделки.

— Номер?

Старший инспектор посмотрел в пластину.

— Не указан.

— Признаки упаковки?

— Зеркальный конверт под курьерской печатью.

— Таких сегодня в городе сорок семь.

— Савин, не усложняй.

— Уже усложнили без меня. Центральная досмотровая получает право аварийного вскрытия. Приказ не идентифицирует предмет.

Лада следила за его лицом. Марк мог выполнить распоряжение и остаться формально чистым. Вместо этого он придирался к словам — теперь на её стороне границы.

— Начальница ждёт, — сказал старший.

— Я веду задержанный предмет на независимую фиксацию следа. После присвоения номера исполню надлежащий приказ.

— Где фиксация?

— Архив Палаты.

Лада почувствовала раздражение. Он назвал место. Но если бы солгал, это дало бы инспекторам основание забрать сумку немедленно.

Старший коснулся жезлом красной ленты, проверяя печать.

— Пять минут.

— Семь, — сказал Марк.

— Шесть.

— Принято.

— Вы и с коллегами торгуетесь, — заметила Лада, когда они вышли на улицу.

— Со временем.

Она не улыбнулась, но запомнила.

Архив помещался в бывшей водонапорной башне. Круглые окна заложили молочным стеклом, а внутри вместо резервуара поставили винтовые стеллажи. Каждая квитанция имела две копии: одна хранилась при маршруте, вторая — здесь, вдали от отражения. Так подделанный конверт иногда выдавал себя бумажным следом.

Енна открыла боковую дверь после третьего условного стука.

— Если ты принесла мне ещё одну квитанцию с ошибкой в склонении, оставь её снаружи, — сказала она и увидела ленту. — О. На этот раз ошибка надела пальто.

Енна было сорок с небольшим. Волосы она стригла коротко, чтобы они не цеплялись за архивные колёса, а на шее носила увеличительное стекло. С Ладой они познакомились двенадцать лет назад, когда обе получили взыскание: Лада — за слишком поздний возврат спорной доставки, Енна — за то, что нашла в отчёте начальника три разных почерка.

— Нужен независимый протокол, — сказала Лада.

— Тогда пальто остаётся у двери.

— Я инспектор Савин.

— Именно поэтому.

Марк снял пальто. Его тень осталась на полу, чёткая и слишком тёмная для рассеянного света башни.

Енна прищурилась.

— А это вы снять можете?

— Нет.

— Жаль. Придётся записать как присутствующую без права подписи.

Она впустила их и заперла три замка. Архив ночью обслуживали только двое дежурных, но второй ушёл проверять нижнее хранилище. Енна поставила на стол песочные часы.

— Шесть минут, — сказал Марк.

— Архив не измеряет истину минутами.

— Через шесть сюда придёт отряд.

— Тогда истине лучше поторопиться.

Марк изложил основания задержания. Лада добавила обстоятельства первой доставки, не называя секрет, который предлагала тень. Енна записывала двумя перьями сразу: правой рукой — показания, левой — время и состояние пломб.

— Непроверенный образ в квартире? — переспросила она.

— Женщина в старой форме Палаты, — сказала Лада. — Похожа на Агну Крой. Я не подтверждаю личность.

Перо Енны на мгновение остановилось.

— Ненумерованный конверт?

— Да.

— А метка на стене?

— Двойная дуга.

Енна перевернула чистый лист и нарисовала знак, не глядя на Ладу.

Две дуги сходились внизу, как приоткрытые веки.

— Где ты это видела? — спросила Лада.

— В списанных квитанциях. Я думала, это след старого дырокола.

— Сколько?

— Нужно искать.

— Сначала конверт, — сказал Марк.

Енна поставила на стол зеркальную рамку для осмотра упаковки. Лада сняла сумку, не разрывая красной ленты. Втроём они сверили курьерскую печать, инспекторскую пломбу и массу.

Конверт стал тяжелее на девять гранов.

— В квартире масса совпадала, — сказал Марк.

— Записано? — спросила Енна.

— В моей пластине.

— Пластина была без связи в галерее?

— Да.

— Тогда покажите локальный оттиск времени.

Марк передал устройство. Енна проверила боковую кромку и кивнула.

— Откуда прибавка? — спросила Лада.

— Отражения набирают массу, если в них добавляется новая увиденная версия, — ответила Енна. — Но конверт закрыт.

— Его видела тень в шляпе.

— Тень не видит лица. Она знает скрытое.

Лада вспомнила надпись: вход оплачен.

— Тогда внутри появилось моё украденное утро.

Марк положил руку рядом с конвертом, не касаясь.

— Непосредственная угроза может считаться основанием для вскрытия.

— Кому угроза? — спросила Лада.

— Вам. Возможно, всему маршруту.

— Не доказано.

— Девять гранов — доказательство изменения содержимого.

— Но не угрозы жизни.

Енна переводила взгляд с одного на другую.

— Есть способ проверить без вскрытия. Провести конверт над индексом последних комнат. Если он тянется к адресу, увидим номер ячейки.

— Индекс содержит закрытые адреса умерших, — сказал Марк.

— Поэтому вы останетесь здесь, а Лада пойдёт со мной.

— Задержанный предмет связан с моим запястьем.

Енна достала ножницы.

Марк накрыл узел ладонью.

— Повреждение ленты даст отряду право на немедленное изъятие.

— Тогда пойдём втроём, — сказала Лада. — Вы смотрите на пол. Если поднимете глаза к ячейкам, Енна внесёт нарушение в протокол.

— И отряд получит его копию?

— Три копии, — заверила Енна. — Я люблю надёжность.

Песок в часах почти иссяк.

Они поднялись по винтовой лестнице на второй круг башни. Ячейки последних комнат стояли в темноте: бумага лучше хранилась без постоянного света. Енна зажгла красную архивную лампу. На карточках проступили номера, но слова остались неразличимы для того, кто не смотрел через увеличительное стекло.

Марк опустил глаза.

Лада сняла внешний чехол и держала запечатанный конверт обеими руками. Сначала он не двигался. Потом левый край потянуло к стеллажам.

— Медленно, — сказала Енна.

Они шли вдоль круга. Красная лента скользила между ними. На северной стороне конверт задрожал так сильно, что пломбы застучали о рамку.

Енна поднесла стекло к нужной ячейке.

Её лицо изменилось.

— Что там? — спросила Лада.

— Номер комнаты есть. Адреса нет.

— Назови номер.

— Последняя нулевая.

— Таких не бывает, — сказал Марк, всё ещё глядя в пол.

— Поэтому она должна быть пустой.

Енна открыла ячейку. Внутри лежали десятки квитанций с одинаковой двойной дугой.

Снизу ударили в дверь.

— Управление! Открыть по приказу начальницы Крой!

Марк поднял голову, но смотрел только на Енну.

— Закрывайте ячейку. Конверт официально задержан мной. Протокол завершён?

— Не хватает решения о вскрытии.

— Вскрытие отклонено: непосредственная угроза не установлена, независимая проверка выявила адресную аномалию. До постановления магистрата конверт остаётся закрытым.

— Начальнице это не понравится, — сказала Енна.

— Мне тоже многое не нравится.

Тень Марка вытянулась по винтовой лестнице вниз. На мгновение она сложила пальцы в знак двойной дуги.

Лада увидела. Енна увидела тоже.

Марк — нет.

— Ваша тень знает этот знак, — сказала Лада.

Он обернулся. Контур уже лежал обычно.

Снизу снова ударили в дверь.

— Савин! Приказ на вскрытие!

— У них не было времени получить постановление магистрата, — сказал Марк.

— Значит, приказ приготовили заранее, — ответила Енна.

Лада вернула конверт в двойной чехол. Девять лишних гранов потянули сумку вниз, как маленький камень.

— Вы можете отдать нас отряду, — сказала она Марку. — Формально вы выполнили всё, что обещали.

— Формально я ещё отвечаю за задержанный предмет.

— До двери.

— До законного решения.

Он достал красную ленту из кольца сумки, но вместо того чтобы освободить Ладу, перестегнул свой конец к железному браслету на архивной стене.

— Что вы делаете? — спросила Енна.

— Исключая возможность выноса предмета без разрушения официальной печати.

Теперь даже я не могу передать его отряду.

— А нас?

— Нас могу.

Лада встретила его взгляд.

— Тогда почему не передадите?

Марк прислушался к ударам в дверь.

— Потому что приказ знает об опасности больше, чем мой протокол. Закон не должен заранее знать результат проверки.

Внизу затрещал первый замок.

Енна вытащила из ячейки верхнюю квитанцию и быстро положила под увеличительное стекло.

— Здесь номер доставки Терена Веля, — сказала она. — Но дата на семь лет раньше его смерти.

На обороте стояла отметка о вручении.

Подпись адресата отсутствовала.

Вместо неё двойная дуга обнимала два слова: «принято городом».

Глава 4. Последний этаж

Дверь архива выдержала первый удар и приоткрылась на втором ровно настолько, чтобы верхний замок вырвало из старой древесины.

Енна успела накрыть квитанцию ладонью. Марк шагнул к двери, но красная лента между его запястьем и сумкой натянулась, остановив его раньше порога.

— Не геройствуйте в разные стороны, — сказала Енна. — Мне потом протокол сшивать.

В щель вошёл свет ручной лампы. Белая полоса рассекла круглый зал, прошла по столу и упёрлась в зеркальный конверт, пристёгнутый к стене архивной цепью.

— Инспектор Савин, отойдите от задержанного предмета, — приказал голос с лестницы. — Архивист, снимите внутренние замки.

— Один уже снят снаружи, — отозвалась Енна. — Без регистрационной записи. Хотите сами указать фамилию нарушителя?

Снаружи на миг стало тихо. Лада знала эту паузу: человек вспоминал, что бумага переживает начальников.

Марк показал ей два пальца, затем указал на нижний край двери. Двое. Возможно, ещё кто-то стоял ниже на винтовой лестнице. Его тень, прижатая светом к полу, повторила жест с опозданием, но вместо двери указала на конверт.

Лада посмотрела на индекс последних комнат. Медный указатель всё ещё стоял напротив пустого места после нуля. Тонкая нить от конверта дрожала и тянулась не к ячейке, а выше — сквозь потолок архива.

Не адрес, поняла она. Направление.

— У нас шесть минут истекли? — громко спросила Лада.

— Семь минут тридцать две секунды с момента приказа, — ответил Марк.

— Значит, вы опоздали, — сказала она отряду. — Независимая фиксация завершена.

— Предмет изменён теневой сделкой и подлежит аварийному досмотру.

— Назовите номер предмета.

Ответа не последовало.

Лада подошла к стене. Красная лента скользнула следом; Марк понял и отступил от двери, возвращая ей длину.

Архивная цепь была устроена не как замок, а как свидетель. Если снять её ключом, в центральном журнале появлялась запись. Если сломать — внутри каждого звена проступало имя того, чья печать дала трещину. Енна пристегнула конверт к третьему кольцу, но сумка оставалась на Ладе. Это значило, что маршрут ещё можно вести, не освобождая улику.

— Енна, нить считается частью содержимого? — спросила Лада.

— Нет. Маршрутный отклик принадлежит якорю.

— Его можно измерять при задержании?

— Если упаковка не вскрывается и адрес не раскрывается посторонним.

— Он уже ведёт.

Лада сняла с пояса складную маршрутную рамку. Обычно ею пользовались в домах, где комнаты меняли номера после раздела наследства. Четыре латунные планки раскрывались квадратом, а в центре висела игла из зеркального стекла. Она подвела рамку к сумке.

Игла не повернулась к индексу. Она встала вертикально, остриём вверх.

Енна тихо выругалась.

Третий удар распахнул дверь. На пороге появились двое инспекторов в серых нагрудниках. Старшего из галереи среди них не было. Передний держал распорную лампу, задний — клещи для аварийного вскрытия.

— Всем отойти от стола.

— Представьтесь архиву, — потребовала Енна.

— Инспектор Реск, второй разряд.

— А ваш свидетель?

Задний назвал себя Ортемом Лисом. Енна записала оба имени на полях протокола.

— Основание входа после отказа дежурного архивиста?

Реск поднял пластину. На сером экране светилась печать Агны Крой.

— Угроза распространения теневой сделки.

— Номер носителя? — спросил Марк.

— Определяется визуально.

— Тогда вы собираетесь вскрыть первый попавшийся зеркальный конверт.

— Здесь только один.

— Потому что вы знали, куда идти, — сказала Лада.

Лампа Реска сместилась на неё. Свет был настолько ярким, что за веками проступили красные сосуды.

— Курьер Орш, снимите сумку.

— Она задержана вместе с предметом, — сказал Марк. — Цепь владения установлена мной. Вы не можете заменить сопровождающего без новой печати.

— Вас отстранили от операции.

— Покажите строку.

Реск провёл пальцем по пластине. Потом ещё раз, медленнее. Нужной строки там не было.

Лада не испытывала торжества. Бумажная граница удерживала людей лишь до тех пор, пока они хотели вернуться на службу утром. Реск уже сломал дверь. Клещи в руках Лиса были раскрыты.

И всё же каждая выигранная секунда давала маршруту шанс договорить.

Она медленно двинула рамку влево. Игла наклонилась, протестуя. Вправо — то же самое. Вверх она указывала не просто на потолок, а на точку за круглой стеной, со стороны старого дома Веля.

Архивная башня и дом №17 когда-то составляли один водомерный комплекс. Между их верхними этажами проходил служебный мост. Его разобрали после Светового устава, потому что крытый переход отбрасывал слишком широкую тень. На старых картах, которыми Лада пользовалась в первый год работы, оставались две запечатанные двери.

Последняя комната могла исчезнуть из реестра, но не из пространства.

— Адрес установлен? — спросил Марк, не оборачиваясь.

— Направление. Для адреса нужен выход наружу.

— Вы не выйдете, — сказал Реск.

— Тогда вы не узнаете, безопасен ли предмет.

— Узнаем после досмотра.

Лис подошёл к цепи. Енна встала между ним и стеной.

— Архивист, не препятствуйте.

— Я не препятствую. Я объясняю цену. Сломаете третье кольцо — ваши имена проступят в девяти копиях журнала. Одна хранится у магистрата, одна у городского нотариуса, одна у союза курьеров. Остальные адреса я вам не скажу, иначе пришлось бы добавить десятую копию.

Лис посмотрел на Реска.

— Приказ начальницы, — сказал тот.

— Приказ не отменяет имён, — заметила Енна.

Марк снял с груди инспекторскую печать и положил её на стол.

— Я принимаю ответственность за продолжение маршрутной проверки без вскрытия. Впишите.

— Уже, — сказала Енна.

Реск побледнел от злости.

— Вы не старший операции.

— Зато я первым задержал предмет. Моя печать стоит на цепи. Либо вы ведёте нас по маршруту и получаете адрес, либо ломаете свидетельское кольцо при включённой записи.

Он указал на увеличительное стекло Енны. В его оправе мерцала красная точка. Архивистка не сказала, когда включила запись.

Лада поймала взгляд Марка. Он предлагал коридор, но не мог заставить отряд оставить их одних. Если они пойдут вместе, приказ Агны пойдёт следом. Если останутся, клещи рано или поздно сомкнутся.

— Мне нужен свободный радиус в два шага, — сказала она. — Иначе маршрутная рамка даст погрешность.

— Один шаг, — ответил Реск.

— Тогда в протоколе будет записано, что инспектор Реск сознательно исказил адрес опасного предмета.

Енна подняла перо.

— Два шага, — процедил он.

Они сняли цепь штатным ключом. Журнал звякнул где-то внутри стены, принимая отметку Енны. Конверт остался в сумке, красная лента — между Ладой и Марком. Реск шёл впереди с лампой, Лис с клещами замыкал шествие. Енна взяла квитанцию Терена и сунула её в прозрачную папку на груди.

— Архив вы покидать не обязаны, — сказал ей Марк.

— Архив — это не стены. Это то, что потом нельзя убедительно отрицать.

Они поднялись по винтовой лестнице. Выше верхнего хранилища ступени становились уже, пылее и темнее. Здесь не меняли лампы много лет: по документам башня заканчивалась этажом ниже.

Маршрутная игла тянулась вперёд.

На площадке стоял шкаф со списанными книгами. Лада провела ладонью по боковой стенке и почувствовала холодный сквозняк.

— Отодвиньте.

— Это не маршрут, а мебель, — сказал Реск.

— Мебель стоит на рельсе.

Внизу шкафа действительно виднелись два железных колеса. Вместе с Марком Лада сдвинула его в сторону. За ним открылась низкая дверь, заложённая тремя слоями краски. На средней доске ещё читалась надпись: «МОСТ. ДО УРОВНЯ НОЛЬ».

— Нулевой ячейки не бывает, — сказал Лис.

— В нынешнем реестре, — поправила Енна. — До Светового устава подвальные и надкровельные помещения считали от водомерной отметки. Ноль мог быть выше жилых этажей.

— Почему запись не перенесли?

— Потому что кто-то хотел, чтобы комната перестала существовать на бумаге, но продолжала принимать доставки.

Лада приложила рамку к двери. Игла легла остриём вперёд.

— За ней путь.

Реск сорвал краску вокруг замочной скважины и вставил служебный ключ. Тот не вошёл.

— Опечатано старым ведомством, — сказала Енна. — Нужен ключ водомерщиков.

— Или клещи, — сказал Лис.

— Нет, — отрезала Лада.

Все посмотрели на неё.

— Почему? — спросил Марк.

— Потому что это дверь маршрута. Если сломать её до сверки якоря, помещение станет взломанным адресом. Любая версия внутри сможет выдать вторжение за согласие адресата.

Реск скептически качнул лампой.

— Версия не умеет выдавать согласие.

— Но умеет повторять то, что от неё ждут. Вы пришли искать опасный носитель. Она покажет опасный носитель. Я пришла завершить доставку — покажет адресата. Пока мы не знаем, чьё ожидание записано в конверте.

Марк кивнул.

— Курьерский протокол имеет приоритет до установления угрозы.

— Вы используете правила как ширму, — сказал Реск.

— Правила и есть ширма, — ответила Енна. — Иногда между человеком и чужим желанием.

Лада осмотрела дверь. Медная ручка была отполирована посередине, хотя проходом якобы не пользовались десятилетия. Под нижней петлёй темнела свежая царапина. Кто-то открывал дверь не ключом, а снимал с петель.

Она достала из сумки тонкий лист маршрутной бумаги и провела им под порогом. Бумага легла ровно, затем загнулась вверх у правого края.

— Там засов, — сказала она. — Его закрыли изнутри.

— Значит, помещение занято, — заключил Лис.

— Или засов двигают через щель.

Лада посветила маленькой курьерской лампой вдоль косяка. На уровне колена обнаружилась почти невидимая латунная трубка. Такие ставили в старых домах для вызова смотрящего: тянешь кольцо вниз, наверху звенит колокольчик.

Трубка уходила не вверх, а за дверь.

Она просунула в неё красную ленту запасной пломбы. Лента встретила сопротивление, потом зацепилась за что-то. Лада потянула. За дверью сухо скользнул металл.

Засов отодвинулся.

— Вы знали? — спросил Марк.

— Я доставляла в дома, которые стыдились собственных комнат.

Она не добавила, сколько раз хозяева уверяли, что входа нет, пока вещь-якорь упрямо тянула курьера к замурованной двери.

Марк снял с запястья конец красной ленты и закрепил его на внешней ручке.

— Цепь задержания остаётся замкнутой, — сказал он Реску. — Курьер входит первой. Я следом. Вы держите дверь и не направляете лампу внутрь без команды.

— С чего это я должен исполнять ваши распоряжения?

— Потому что ваша распорная лампа создаст четыре ожидания одновременно. Хотите первым увидеть версию, которую заказала Агна Крой?

Имя начальницы подействовало сильнее угрозы. Реск опустил лампу.

Лада открыла дверь.

За ней начинался мост — узкий железный коридор со стеклянными стенами. Большинство стёкол покрасили белым, но краска осыпалась, и в просветах виднелись крыши Невени. Ночь уже отступала. На востоке небо серело, а городские лампы продолжали гореть, не позволяя домам отбросить утренние тени.

Под ногами дрогнула решётка. Мост держался на старых растяжках.

— По одному, — сказала Лада.

— Лента не позволит, — заметил Марк.

— Позволит, если вы дадите мне два шага и пойдёте в мой след.

Он не спорил.

Маршрутная рамка тянула их к дому №17. Посередине моста игла начала вращаться. Лада остановилась.

— Что теперь?

— Мы прошли точку.

Она сделала шаг назад. Игла снова встала остриём к дому. Вперёд — повернулась к архиву.

— Адрес между зданиями? — спросил Марк.

— Последняя признанная комната определяется не стенами. Место, где человек однажды узнал себя.

Лада подняла лампу. Под слоем белой краски проступал прямоугольник другого оттенка, будто здесь когда-то висело зеркало. В нижней раме сохранились две металлические скобы.

Она провела пальцем по одной. На коже осталась зеркальная пыль.

— Здесь был якорь, — сказала она. — Большое зеркало или стекло с отражающим слоем.

Марк осмотрел решётку.

— Но комнаты нет.

— Была. Мост мог быть комнатой зрителя. Потом стены сняли, а запись оставили в старом индексе.

— Отражение ведёт к отсутствующему зеркалу?

— К месту признания. Якорь можно унести, но маршрут помнит, где человек увидел в нём себя.

В сумке что-то тихо стукнуло. Не конверт о пряжку — звук шёл изнутри, как ноготь по стеклу.

Лада поставила сумку на решётку. Красная лента позволяла Марку стоять рядом, но он не приблизился без её знака.

Она провела рамкой над конвертом. Игла легла вдоль моста, затем опустилась остриём в щель между прутьями.

Под ними на растяжке висел маленький предмет.

Марк присел. В утренней серости блеснул осколок зеркала, привязанный чёрной нитью. На обратной стороне была выгравирована двойная дуга.

— Не трогайте, — сказала Лада.

— Это якорь?

— Ложный. Его поставили недавно. Настоящий оставляет отклик места, а этот пытается дать маршруту новое направление.

Сзади скрипнула дверь. Реск всё-таки вошёл на мост. Свет его лампы вытянул тени Лады и Марка далеко вперёд.

Осколок под решёткой вспыхнул.

Тень Марка отделилась от его обуви.

Она не поднялась фигурой. Только вытекла вдоль прутьев, тонкая и быстрая, и коснулась чёрной нити. В ту же секунду конверт в сумке рванулся вниз.

Лада прижала его обеими руками.

Перед глазами вспыхнуло украденное утро: ковёр с вырезанным углом, материнская лампа на полу, отец, закрывающий ладонью зеркальный осколок. На этот раз образ продолжился на один удар сердца. За отцом стояла молодая Агна Крой и держала открытую книгу маршрутов.

Потом видение исчезло, унеся с собой ещё что-то.

Лада знала, что потеряла, раньше, чем смогла назвать потерю. Она помнила отца, его руки, его уход. Но больше не помнила, каким голосом он произносил её имя.

— Выключите лампу! — крикнул Марк.

Реск замешкался.

Енна ударила по распорке папкой. Створки лампы захлопнулись. Мост погрузился в серую полутьму рассвета.

Тень Марка застыла, не дотянувшись до осколка ширины пальца.

Он опустился на колено и накрыл собственную тень серебряной скобой. Металл вошёл в решётку, словно та была мягкой.

— Я приказал не вносить свет.

В его голосе не было служебного спокойствия. Только страх человека, который уже видел, чем заканчивается лишняя секунда.

— Я обеспечивал видимость, — сказал Реск.

— Вы кормили ей маршрут.

Лада дышала медленно, удерживая сумку. Внутри снова стало тихо. На языке оставалось имя отца, но без голоса оно казалось подписью на чужой квитанции.

Марк посмотрел на неё.

— Что забрала сделка?

— Она не состоялась полностью.

— Что забрала?

— Это не ваш протокол.

Он закрыл глаза на миг и кивнул.

— Верно. Скажите только, можете ли продолжать маршрут.

Лада проверила рамку. Игла указывала не на осколок и не на дом. Она смотрела вверх.

Над мостом, за выкрашенным стеклом, темнел квадрат люка.

— Могу.

Люк открывался наружу. Лада нашла под рамой утопленную петлю и потянула. Внутри посыпалась ржавая пыль. Складная лестница опустилась почти бесшумно — значит, механизм смазывали.

— Вот ваш последний этаж, — сказала Енна.

— Это крыша, — возразил Лис из дверей.

— Для реестра — крыша. Для маршрута — нет.

Лада поднялась первой. На плоской площадке между башней и домом стояла комната без наружных стен. Её границы обозначали четыре медные стойки, соединённые тонкими нитями зеркального стекла. Посередине висела лампа под матовым колпаком. Она горела тёплым светом, хотя к ней не шло ни провода, ни газовой трубки.

Вокруг лампы на крючках висели десятки зеркальных конвертов.

Некоторые были новыми. Другие выцвели так, что имена адресатов нельзя было разобрать. На каждом стояла двойная дуга.

Марк выбрался следом и замер у края площадки.

— Не входите в контур, — сказала Лада.

— Почему?

— Потому что комната признаёт того, кто ожидает увидеть себя. Посмотрите на нити.

В каждой стеклянной нити отражалась Лада — но не такая, какой она была сейчас. В одной она держала целый семейный ковёр. В другой отец стоял рядом. В третьей на её лице не было усталости. Комната предлагала не память, а удобную версию.

Марк отвёл взгляд.

— Это склад подделок.

— Нет. Подделка повторяет оригинал. Здесь хранят ожидания.

Енна поднялась на площадку, прижимая квитанцию к груди.

— «Принято городом», — прочитала она. — Город здесь не адресат. Город — хранитель.

Лада обошла медный контур снаружи. Маршрутная игла тянулась к лампе. Под колпаком вместо фитиля плавало маленькое отражение: лицо Терена Веля без шрама.

То самое, которое ждало её в квартире №91.

— Он не был адресатом, — сказала Лада. — Его сделали ключом.

— Для чего?

Она посмотрела на множество конвертов. Каждый мог хранить желание живого, украденную память, версию умершего, которой никогда не существовало. Если лампа питала ими ложную комнату, любой маршрут можно было заставить принять новый адрес.

— Чтобы последней комнатой человека стало место, выбранное не им.

Снизу донёсся звон переговорной пластины Реска. На мост вернулась связь.

Он ответил не сразу. Затем поднял голову к люку.

— Начальница Крой требует запечатать площадку и доставить всех свидетелей в Управление.

Енна усмехнулась без веселья.

— Теперь предмет всё-таки получил номер?

— Это прямой приказ.

Лада смотрела на лампу. В её стекле молодая Агна уже не была случайным образом, предложенным тенью. Она стояла за спиной отца в украденном воспоминании. Но образ всё ещё не был доказательством: память могла быть приманкой, собранной из Ладиных ожиданий.

Нужна была вещь, которая не соглашалась ни с чьей версией.

Она вынула из сумки маршрутную рамку и положила её на границу комнаты. Игла дёрнулась к лампе, потом к одному из старых конвертов у дальней стойки. На нём проступало имя отправителя.

Не Терена Веля.

«Мирра Вель».

— Его жена жива, — сказала Лада.

— Откуда вы знаете? — спросил Марк.

— Она оформила отправление. Но конверт в моей сумке зарегистрирован от имени Палаты.

Она сверила печати, не входя в контур. На старом конверте висел крошечный латунный жетон с номером текущего заказа. Одинаковый номер соединял два разных отправления.

— Нас привели сюда не для того, чтобы мы нашли комнату, — сказала Енна. — Нас привели заменить один конверт другим.

Внизу щёлкнули клещи.

Лис перерезал красную ленту задержания.

Свободный конец упал у ног Марка. В ту же секунду Реск полез к сумке Лады.

Она отступила за медную стойку, но не пересекла стеклянную нить.

— Не делайте этого, — предупредила она.

— Передайте предмет.

— Назовите адресата.

— Терен Вель.

— Он умер. Его последняя признанная комната не здесь.

— Маршрут привёл сюда.

— Ложный якорь привёл. А мой заказ пытаются подменить отправлением его вдовы.

Реск протянул руку. Марк встал между ними.

— Лента разрезана вашим свидетелем. Цепь задержания нарушили вы.

— Савин, отойдите.

— Сначала новая фиксация.

— Вы отстранены.

— Покажите строку.

На этот раз строка была. Реск развернул пластину. Под печатью Агны Крой значилось: «Инспектора Марка Савина от участия отстранить ввиду конфликта теневого владения».

Марк прочёл и снял с пояса служебный жезл. Лада на мгновение решила, что он не подчинится.

Он положил жезл на решётку.

— Полномочия сдал. Свидетелем остался.

Реск растерялся всего на секунду.

Этого хватило Енне. Она сорвала прозрачную папку с груди и бросила квитанцию в контур комнаты.

Бумага пересекла стеклянную нить.

Лампа вспыхнула. Все конверты разом повернулись, словно головы на звук. Отражения в нитях исчезли, уступив место строкам архивной записи.

На каждой было одно и то же: «АДРЕСАТ ОТКАЗАЛСЯ».

Подписи не было.

Марк прижал Реска к внешней стойке прежде, чем тот успел схватить квитанцию. Лис поднял клещи, но его собственная тень вытянулась от люка и обвила рукоятки. Он вскрикнул и разжал пальцы.

Лада шагнула к старому конверту Мирры Вель. Не внутрь комнаты — вдоль границы, туда, где нить провисла под весом жетона. Она поддела жетон рамкой и сбросила его наружу.

Одинаковый номер раскололся на две тонкие пластинки.

Под верхней обнаружился настоящий номер: без серии, только дата семилетней давности.

— Дубликат, — сказала Енна. — С текущей доставкой связали старое отправление.

Лампа погасла так резко, что рассвет показался ярким.

Тёплое лицо Терена исчезло под колпаком. Конверт в сумке перестал тянуться к комнате.

Маршрутная игла повернулась вниз — к дому №17, к квартире №91, откуда они пришли.

Лада почувствовала не облегчение, а холодную ясность. Последний этаж был не местом назначения. Он был узлом, который крал назначения у других.

Реск больше не вырывался. Марк отпустил его и отступил, оставляя между ними расстояние.

— Зафиксируйте номера, — сказал он Енне.

— Уже.

— Все.

— Для этого понадобится час.

— Тогда у нас есть час.

— У вас нет полномочий, — напомнил Реск.

— Зато у курьера есть незавершённая доставка, у архивиста — обнаруженная подмена, а у вас — приказ сохранить опасный носитель. Если вы унесёте единственное доказательство, чей приказ нарушите первым?

Реск посмотрел на погасшую лампу, на разбитый жетон и на собственную пластину. Служебная арифметика наконец сложилась не в пользу поспешности.

— Площадка остаётся под охраной, — сказал он. — Никто не касается конвертов.

— Согласна, — ответила Лада. — Но мой конверт здесь не останется.

— Он связан с узлом.

— Связь снята. Настоящий маршрут ведёт обратно к последней комнате Терена.

— Там ложное отражение.

— Поэтому доставку нельзя завершить. Я оформлю спорный возврат отправителю.

Впервые за ночь это решение принадлежало только ей. Не Агне, не Марку, не тени и не образу отца. Курьер имел право вернуть отправление, если адресат подменён. Цена была

неприятной: расследование Палаты, временное лишение маршрута, возможно, долг, который Лада не сможет выплатить. Но вскрыть конверт в комнате чужих ожиданий значило отдать ему право говорить за умершего.

Она застегнула сумку.

— Кто отправитель? — спросила Енна.

— Вот это мы и установим. Печать говорит «Палата», дубликат ведёт к Мирре Вель, а тень показала Агну. Пока ни одной версии я не доверяю.

Марк поднял с решётки свой жезл, но не вернул на пояс. Передал Реску рукоятью вперёд.

— Оформляйте отстранение полностью.

— Вы обязаны следовать в Управление.

— Последую после передачи свидетельских показаний архиву.

Он посмотрел на Ладу, не на сумку.

— И после того, как курьер назовёт безопасное место возврата.

— Я его ещё не выбрала.

— Тогда не называйте при нас.

Реск открыл рот, но Енна уже шуршала бумагой, создавая ещё одну запись, которую придётся либо признать, либо уничтожить вместе с башней.

Над Невенью гасли ночные лампы. Впервые Лада увидела, как от медных стоек последнего этажа ложатся настоящие тени — тонкие, длинные, ничем не прикованные. Они не шептали и не торговались. Просто отмечали, где заканчивается вещь и начинается свободное пространство.

Лада подумала о голосе отца, которого больше не могла вспомнить.

Потом о живой вдове, чьё желание кто-то спрятал среди мёртвых адресатов.

Следующий маршрут начинался не с лампы и не с приказа.

Он начинался с лица отправителя.

Глава 5. Лицо отправителя

Мирра Вель жила в доме напротив Палаты и держала шторы закрытыми даже после рас-света.

Адрес Лада нашла не в реестре отправления. Там по-прежнему значилось только безличное «Палата отражений». Енна подняла старую квитанцию о доставке семейного зеркала: семь лет назад его забрали из квартиры Велей на реставрацию и вернули не владельцам, а в служебное хранилище. Получателем поставили Мирру, адрес которой сохранился в боковой строке.

— Это не даёт нам права явиться к ней с досмотром, — сказал Марк.

Они стояли внизу архивной башни, пока Реск оформлял охрану последнего этажа. Жезл и печать Марка лежали в опечатанном пакете у инспектора Лиса. Без пальто и полномочий Марк казался не слабее, но точнее очерченным: теперь каждое его действие принадлежало ему, а не должности.

— У меня спорный возврат, — ответила Лада. — Отправитель обязан подтвердить вещь-якорь.

— В документах отправитель — Палата.

— Поэтому я спрошу, соглашалась ли Мирра отдать Палате своё имя.

Енна протянула ей копию квитанции.

— Оригинал останется у меня. Идите, пока Реск не понял, что охранять находку и задерживать свидетелей одновременно у него не хватает людей.

— Вы останетесь одна?

— Со мной девять копий журнала и очень нервный инспектор второго разряда. Лучшей охраны у архива давно не было.

Лада спрятала копию во внутренний карман. Красной ленты между ней и Марком больше не было.

— Вы за мной не обязаны идти.

— Обязан дать показания в Управлении, — сказал он. — Но приказ не уточняет маршрут.

— Опять торгуетесь со временем?

— Теперь уже со своей службой.

Она пошла к выходу. Марк последовал на расстоянии двух шагов.

Утренний город был хуже ночного: свет не скрывал усталость и не давал тени, в которой можно было побыть без свидетелей. Уличные лампы гасли рядами, но зеркальные козырьки над окнами ловили солнце и бросали его вниз. Невень просыпалась под тысячей отражённых взглядов.

Лада пыталась вспомнить голос отца.

Высокий или низкий? Хриплый по утрам? Он называл её полным именем, когда сердился, — это она знала. Но знание лежало отдельно от звука. Словно кто-то оставил на столе текст песни и унёс мелодию.

— Не проверяйте дыру, — тихо сказал Марк.

— Я ничего не сказала.

— Люди всегда одинаково смотрят, когда пересчитывают потерянное.

— И как?

— Будто ошибка может вернуть недостающее.

Лада остановилась у перехода.

— Что продала ваша тень?

Он посмотрел на поток повозок, хотя дорога была свободна.

— Секрет свидетеля.

— Это я знаю.

— Большого я вам не обещал.

— Тогда не объясняйте мне, как смотреть.

— Справедливо.

Он отступил ещё на полшага. В этой уступке было больше уважения, чем в длинном извинении, и именно поэтому Ладе стало труднее сердиться.

Дом Мирры выглядел новым, но подъезд пах старым воском. На стенах висели узкие лампы без стеклянных колпаков. Их огонь не дрожал, хотя дверь хлопала от сквозняка.

На четвёртом этаже маршрутная рамка в сумке качнулась к квартире 18.

— Вы её не активировали, — заметил Марк.

— Ей достаточно близости вещи-якоря.

— Значит, зеркало здесь.

— Или то, что от него осталось.

Лада постучала трижды: два коротких, один длинный — знак спорного возврата. За дверью послышались шаги. Кто-то подошёл, но не открыл.

— Кто?

— Курьер Орш. Отражение Терена Веля возвращено без вручения. Требуется подтверждение отправителя и якоря.

Тишина длилась так долго, что Марк успел отвернуться от глазка, показывая пустые руки.

— Терен умер, — сказала женщина.

— Поэтому вручение ему невозможно без достоверной последней комнаты.

— Его комната достоверна.

— Тогда откройте и покажите вещь, в которой он признал себя.

Щёлкнул один замок. Второй. Цепочка осталась натянутой.

Мирре было около пятидесяти. Она смотрела на Ладу через узкую щель спокойно, но пальцы на цепочке побелели.

— Кто он?

— Марк Савин, свидетель обнаруженной подмены номера. Сейчас не при исполнении.

— Инспектор теней?

— Сейчас — нет, — подтвердил Марк.

— Тогда пусть уйдёт.

Лада обернулась.

Марк кивнул и спустился на площадку ниже, за поворот лестницы. Не спросил, безопасно ли ей. Не потребовал оставить дверь открытой. Просто исполнил границу хозяйки.

Цепочка звякнула. Мирра впустила Ладу.

В квартире не было ни одного открытого зеркала. Овальное в прихожей закрывала льняная салфетка, дверцы буфета покрасили матовым лаком, даже чайник оказался глиняным. На стене гостиной висел пустой прямоугольник, обведённый более светлыми обоями.

— Здесь оно было? — спросила Лада.

— Семейное зеркало. Терен получил его от матери.

— Семь лет назад вы передали его на реставрацию.

Мирра вздрогнула.

— Откуда у вас квитанция?

— Из архива. Зеркало вернули не сюда.

— Его разбили.

— Кто сообщил?

— Палата.

— Имя служащего?

Мирра отвернулась. На подоконнике стояла фотография, тоже закрытая бумагой.

— Это было давно.

— Семь лет назад. За семь лет до смерти вашего мужа кто-то оформил его отказ от доставки.

— Он мог отказаться.

— Мёртвые не расписываются заранее.

— Терен всегда всё делал заранее.

Фраза прозвучала с гордостью и обидой, прожившими рядом слишком долго.

Лада сняла сумку, но не открыла её.

— Вы отправляли отражение после его смерти?

— Я подала прошение.

— Кому?

— В Палату.

— Что передали как якорь?

Мирра посмотрела на закрытое зеркало в прихожей.

— Его запонку.

— В запонке он видел себя?

— Она серебряная.

— Это не ответ.

— Он носил её двадцать лет.

— Якорь — не вещь, которая была рядом. Это вещь, в которой человек однажды узнал себя. Запонка слишком мала для лица.

— Агна сказала, что хватит принадлежности.

Имя наконец появилось без подсказки.

Лада не изменила выражения.

— Агна Крой принимала прошение лично?

— Она знала Терена. Они вместе работали над первым Световым реестром.

— Почему в документах нет вашего имени?

Мирра сжала губы.

— Потому что вдовам не разрешают заказывать новое отражение умершего, если прежнее уже доставлено.

— Прежнее было доставлено?

— Да.

— Где оно?

— Исчезло.

Лада вспомнила человека без шрама в квартире №91. Версию, которая слишком охотно ждала дополнения.

— Когда?

— Через три дня после похорон. Я пришла в его комнату, а там осталось пустое зеркало. Терен ничего не говорил, но он был там. Я видела его.

— Что именно вы видели?

— Как он поправляет воротник. Как морщится от боли в плече. Как смотрит на меня, когда думает, что я не замечаю.

Это были подробности, которые могла хранить настоящая увиденная версия. Но исчезновение не делало новое отражение продолжением старого.

— Чего вы попросили у Агны?

— Вернуть мужа.

— Отражение не возвращает человека.

— Не говорите со мной как инструкция.

Мирра подняла салфетку с овального зеркала.

Стекло под ней оказалось чёрным. Не покрашенным — лишённым отражающего слоя. В нём не появилось ни лица Мирры, ни фигуры Лады.

— Я знаю, что он умер, — сказала вдова. — Я просила вернуть не человека. Я просила вернуть то, как он смотрел на меня до болезни.

Вот оно.

Не память Терена о себе. Желание Мирры быть увиденной прежним взглядом.

— Вы сказали это Агне?

— Да.

— Дословно?

— Наверное. Она понимала.

— И предложила запонку.

Мирра кивнула.

— Сказала, что сильного желания иногда достаточно, если зеркало утрачено.

— Для отражения недостаточно. Для ожидания — да.

Лада поставила маршрутную рамку на стол. Игла повернулась не к сумке, а к Мирре.

— Что это значит? — спросила та.

— Якорь текущего отправления — вы.

— Человек не может быть вещью-якорем.

— Не человек. Версия себя, которую вы хотите увидеть в его взгляде.

Мирра отступила.

— Вы обвиняете меня в подделке?

— Я говорю, что ваше желание вложили в конверт и назвали памятью умершего. Возможно, без объяснения цены.

— Я заплатила.

— Чем?

— Это вас не касается.

В углу комнаты шевельнулась тень кресла. Солнце не могло дать такой угол. Лада увидела, как чёрный край вытянулся к ноге Мирры.

— Не произносите секрет, — сказала она.

— Что?

— Здесь есть отделённая тень.

Мирра посмотрела вниз. Тень кресла замерла.

— У меня нет тени. Я соблюдаю закон.

— Поэтому она прячется в чужой форме.

Лада закрыла овальное зеркало салфеткой и повернула одну из ламп к углу. Контур кресла стал короче, но не исчез. Он перебрался под буфет.

— Не включайте больше света, — предупредила Лада. — Ей нужен резкий переход.

— Позовите инспектора.

— Вы просили его уйти.

— Теперь позовите.

Лада открыла дверь.

Марк стоял этажом ниже, как обещал. Когда она произнесла его имя, он поднялся, но остановился у порога.

— Мирра Вель просит войти, — сказала Лада.

— Подтверждаю, — выговорила хозяйка.

Только тогда он переступил черту.

— Где?

Лада указала на тёмный край под буфетом.

Марк не полез за серебряной скобой. Без служебного жезла он медленно опустился на корточки и положил ладонь на освещённый пол.

Его тень вытянулась к буфету.

— Что вы делаете? — спросила Мирра.

— Даю ей более выгодного собеседника.

— Ваша тень уже торговала, — сказала Лада.

— Поэтому другие считают её своей.

Из-под буфета показалась тонкая чёрная рука. Она коснулась контура Марка. Он вздрогнул, но не отнял ладонь.

— У неё есть предложение, — сказал он.

— Не слушайте.

— Я не слушаю. Я считаю.

Тень кресла стала женщиной в широкополой шляпе — той самой, что ждала Ладу на Угльном спуске. На стене у неё не было лица, только гладкий поворот головы к Мирре.

— Она пришла за оплатой, — сказал Марк.

Мирра побелела.

— Я уже заплатила.

— Чем? — повторила Лада.

— Одним днём.

— Каким?

— Днём, когда Терен решил уйти от меня. Я не хотела его помнить.

Тень дрогнула, словно услышала звон монеты.

— Не продолжайте, — сказал Марк.

Но Мирра уже смотрела не на них, а на чёрное зеркало.

— Я отдала этот день, чтобы отражение осталось со мной. Агна сказала: если убрать последнюю ссору, последней комнатой Терена снова станет наш дом.

Тень отделилась от стены.

Лада схватила салфетку с зеркала и бросила её на пол между Миррой и чёрным контуром. Ткань рассеяла границу света. Марк одновременно поднял ладонь, втягивая собственную тень назад.

Женщина в шляпе распалась на несколько бесформенных пятен.

— Не называйте больше ничего, — сказал он. — Сделка ищет продолжение секрета.

— Но я всё отдала, — прошептала Мирра.

— Вы отдали память о решении Терена, — сказала Лада. — Не причину решения. Пока причина остаётся невысказанной, тень считает долг незавершённым.

— Я не знаю причины.

— Теперь не знаете. Это и есть цена.

Мирра опустилась на стул. Под её глазами лежали серые полукружья, похожие на следы плохо снятой маски.

— Он хотел уйти? — спросила она.

Лада не ответила сразу. Жестокость факта не делала его менее личным.

— Вы сами только что сказали это. Но вы не помните дня и не можете проверить, было ли решение окончательным. Кто-то использовал пустое место, чтобы построить удобную версию.

— Агна вернула мне его взгляд.

— Она вернула вам ваш собственный взгляд, отражённый от его лица.

Мирра закрыла лицо руками.

В сумке Лады зашуршал конверт.

Двойная пломба оставалась целой, но зеркальная поверхность стала прозрачнее. На ней проступило лицо Терена без шрама. Он смотрел не на Ладу — на Мирру.

И улыбался именно так, как она ждала.

— Видите? — Мирра вскочила. — Он меня узнал.

— Нет, — сказала Лада. — Он повторил ваше желание.

— Откуда вы знаете?

Лада подошла к окну, чтобы конверт оказался в ровном дневном свете. Настоящее отражение менялось только вместе с углом вещи-якоря: оно хранило сцену, но не подстраивалось под зрителя. Это лицо повернулось следом за Миррой.

— Перейдите к двери.

Мирра не двинулась.

— Если это память Терена, взгляд останется частью записанного момента. Если это ваше ожидание, он будет искать вас.

Женщина медленно отошла в прихожую.

Лицо на конверте повернулось за ней.

Мирра остановилась. Терен продолжал улыбаться.

— Нет, — сказала она.

— Мне жаль.

— Нет. Вы что-то сделали с рамкой.

Она бросилась к сумке.

Лада не удерживала её за руки. Подняла сумку выше и встала боком, закрывая замки корпусом.

— Это отправление под спорным возвратом. Вы можете подтвердить якорь, отказаться от него или подать требование на независимую проверку. Вскрыть его здесь я не позволю.

— Это мой муж.

— Это ваше право помнить его. Не право заставлять его отражение соглашаться.

Мирра ударила её ладонью.

Удар был неловким, почти детским. Лада отступила на шаг, но сумку не выпустила.

Марк не вмешался. Только закрыл дверь, чтобы соседи не увидели Миррино горе раньше, чем она сама решит его показать.

— Уходите, — сказала вдова.

— Нужна подпись о спорном возврате.

— Уходите!

— Я оставлю форму. Подпись можно передать через независимый архив.

Лада достала бланк, положила на стол и прижала пустой чашкой. Рядом поместила копию старой квитанции, закрыв пальцем адреса остальных лиц.

— Здесь видно, что ваше отправление существовало семь лет до смерти Терена. Текущий номер наклеили поверх старого. Если вы не соглашались на это, ваше имя тоже использовали.

Мирра не посмотрела на бумагу.

— Агна помогла мне, когда никто не хотел слушать.

— Возможно. А потом сделала вашу просьбу дверью для чужих доставок.

— Вы не знаете её.

— Поэтому и не выношу приговор. Я сохраняю доказательство.

Тень под буфетом снова пошевелилась. Марк первым вышел в подъезд, уводя за собой собственный контур. Чужая тень потянулась следом, но остановилась у порога: приглашение Мирры распространялось на человека, не на его отделившуюся часть.

Лада задержалась.

— Закройте шторы не полностью, — сказала она. — Оставьте ровный свет без резких границ. И не говорите вслух о последней ссоре, пока рядом тень.

— Вы забрали его второй раз.

— Нет. Я не дала чужому желанию назвать себя им.

Мирра закрыла дверь.

На лестнице Марк прислонился к стене. Его лицо блестело от пота.

— Что она предложила? — спросила Лада.

— Чужая тень?

— Да.

— Вернуть свидетелю день, который моя тень продала.

— В обмен на что?

— На имя человека, который спрятал его.

— Вы знаете имя?

— Знал бы — предложение не имело бы цены.

— Значит, она хотела не секрет, а поиск.

— Или чтобы я привёл её к следующему владельцу памяти.

Он выпрямился, не касаясь Лады.

— Спасибо, что не позволили мне дослушать.

— Я сделала это не ради вас. Сделка могла раскрыть конверт.

— Всё равно спасибо.

Они спустились на первый этаж. У выхода их ждали двое служащих Палаты в белых плащах без знаков различия.

— Курьер Орш, — сказала женщина слева. — Начальница Крой вызывает вас для объяснения нарушения маршрута.

— У меня спорный возврат.

— Отправление передадите нам.

— Назовите отправителя.

— Палата отражений.

— Кто выразил волю Палаты?

— Начальница Крой.

— Тогда пусть подтвердит вещь-якорь и право распоряжаться памятью Терена Веля.

Женщина протянула руку.

— Сумку.

Лада достала бланк возврата и показала незаполненную строку.

— Сначала подпись отправителя. При свидетеле.

— Инспектор Савин отстранён и свидетелем служить не может.

— Я могу, — раздалось сверху.

Мирра стояла на лестнице. В руке она держала старую квитанцию.

Её лицо было сухим и неподвижным.

— Я отправитель, — сказала она. — И я не разрешала Палате ставить моё имя под отказом мужа.

Служащие переглянулись.

— Госпожа Вель, вам следует обсудить вопрос с начальницей лично.

— Я обсуждала семь лет. Теперь хочу прочитать то, что подписала.

Она спустилась и передала Ладе форму спорного возврата. В строке основания было написано: «Отражение отвечает желанию живого отправителя и не подтверждено вещью-якорем адресата».

Подпись Мирры дрожала, но была разборчивой.

Лада добавила свою и дала Марку расписаться как частному свидетелю. Он вывел имя без должности.

— Теперь отправление возвращается куда? — спросила Мирра.

— В независимое хранение до установления происхождения.

— Не в Палату.

— Не в Палату.

— И не ко мне.

Лада встретила её взгляд.

— Вы уверены?

Мирра посмотрела на сумку. Под клапаном больше не проступало лицо Терена.

— Нет, — сказала она. — Но согласие и уверенность — не одно и то же.

Лада сложила форму вдвое и спрятала рядом с архивной копией.

Женщина в белом плаще отступила от двери.

— Начальница всё равно ждёт вас.

— Пусть выдаст номер вызова, — ответила Лада. — Я приду после завершения возврата.

На улице Марк спросил:

— Где независимое хранение?

— Не знаю.

— Вы сказали Мирре...

— Я сказала, куда его нужно доставить. Место ещё предстоит найти.

Маршрутная рамка молчала. Официальный адрес Палаты был опасен, квартира Мирры — согласованной ловушкой, архив охраняли люди Агны. Лада перебирала город в памяти: нотариальные сейфы, курьерские станции, храмовые камеры. В каждом месте горели постоянные лампы, а значит, любая отделённая тень могла найти резкую границу и предложить сделку.

Потом она вспомнила мастерскую Веи, где стекло никогда не освещали прямо.

Сестра умела чинить свет так, чтобы он не заставлял вещи выдавать единственную версию.

— Есть место, — сказала Лада.

— Где?

Она посмотрела на Марка.

Он первым отвёл взгляд.

— Не говорите при мне, — произнёс он. — Я всё ещё обязан явиться в Управление. И всё ещё не знаю, что моя тень повторит под допросом.

Это был не красивый жест. Красивым было бы обещание защитить её вопреки приказам. Марк предложил меньше и дороже: признал себя ненадёжным там, где мог притвориться щитом.

— Тогда идите, — сказала Лада.

— Один вопрос. Вы сможете донести сумку?

Она коснулась щеки, куда пришёлся удар Мирры, и вспомнила пустое место вместо отцовского голоса.

— Это моя работа.

Марк ушёл к Палате, не обернувшись. Его тень следовала точно за ним до первого перекрёстка. Потом задержалась у стены, повернула гладкое лицо к Ладе и только после этого скользнула за хозяином.

Лада выбрала переулки без прямого света и направилась к мастерской сестры.

В сумке она несла не лицо умершего.

Она несла желание живой женщины, которому кто-то выдал чужое имя.

Глава 6. Сестра чинит свет

Мастерская Веи помещалась там, где приличная лавка устроила бы склад: под четвёртым лестничным пролётом, между прачечной и шахтой старого подъёмника. Над дверью не горела вывеска. В матовом стекле было выведено углём: «Лампы чинят изнутри».

Лада постучала локтем. Обе руки держали сумку.

— Если это управитель, я умерла от переосвещения, — отозвалась Вея. — Если заказчик, я воскресну после полудня.

— Это я.

За дверью стало тихо. Потом щёлкнули три запора.

Вея выпустила сестру и сразу заперлась снова. Она была ниже Лады, коротко стригла тёмные волосы и всегда носила на шее защитные очки, будто ожерелье. На её левом виске белела полоска мази от светового ожога.

— Ты должна была прийти вчера, — сказала она.

— Я предупреждала, что на ночном маршруте.

— Ты оставила записку под дверью. Это не предупреждение, это способ не услышать ответ.

Вея посмотрела на курьерскую сумку. Упрёк в её лице сменился профессиональной настороженностью.

— Что внутри?

— Спорное отражение. Возможно, оно несёт украденное воспоминание и умеет подстраиваться под желание живого отправителя.

— Тогда почему оно у меня?

— Потому что архив под охраной Палаты, а в обычном хранилище слишком резкий свет.

— Я спрашиваю не почему здесь конверт. Почему ты решила, что вместе с ним можно принести сюда погоню?

Лада услышала за стеной грохот прачечной каталки. На улице звякнул трамвай. Никто не поднимался по лестнице.

— Я проверила хвост на трёх переходах.

— Тени не всегда ходят ногами.

— Знаю.

— Нет. Если бы знала, спросила бы разрешения до порога.

Лада могла сказать, что времени не было. Могла напомнить, сколько раз вытаскивала Вею после обмороков у городских ламп. Но сумка в её руках делала любой такой довод похожим на счёт за работу.

— Ты права, — сказала она. — Мне нужно безопасное место на один час. Если откажешь, я уйду и не спрошу почему.

Вея нахмурилась, словно Лада воспользовалась незнакомым инструментом.

— На один час, — повторила она. — И сумку откроешь только по моей команде.

Мастерская не походила на городское помещение. Здесь существовали углы.

В Невени углы старались заливать светом: лампы крепили под потолком, над рабочими столами, возле пола. У Веи горели только три низких светильника за перегородками из молочного стекла. Предметы отбрасывали не тени, а мягкие пятна, которые не имели края и потому не могли отделиться.

За длинным столом работали две женщины. Пожилая Руна шлифовала стеклянный лепесток, молодая Тая наматывала медную проволоку на обод лампы. Обе прекратили работу, когда увидели курьерскую сумку.

— Это моя сестра, — сказала Вея. — А это чужая беда. Пока не решим иначе, одно к другому не относится.

Руна накрыла стеклянные заготовки тканью. Тая сняла с крючка тяжёлую штору и завесила дверь.

Лада поставила сумку на пустой табурет.

— Мне нужны свидетели хранения, — сказала она. — Но я не вправе делать вас свидетелями содержания.

— Содержание нам и не нужно, — ответила Руна. — Скажешь, когда предмет принят, когда закрыт и кто к нему прикасался.

На стене висела доска заказов. Против фамилий стояли не только суммы, но и часы: «спала четыре», «глаза режет», «ребёнок видит пятна». Вея заметила взгляд сестры.

— Это и есть цена городского света, если Палате понадобятся доказательства, — сказала она. — Прачки с нижнего яруса спят по три часа. У Тайной матери дрожат веки. Руна различает синий и зелёный только до полудня. Но зато ни у кого нет тени, верно?

— У них нет отделившейся тени.

— А обычной тоже нет. Нельзя отнять опасную часть человека, не отняв место для безопасной.

Вея провела Ладу к испытательному шкафу. Внутри стояли две одинаковые глиняные фигурки. Над первой горела открытая городская горелка. За фигуркой лежала чёрная тень с отчётливым носом и руками. Над второй свет проходил через три слоя стекла: прозрачный, дымчатый и молочный. Пятно под фигуркой было серым и бесформенным.

— Резкий контур даёт тени границу, — сказала Вея. — Полная заливка не даёт ей существовать вовсе. А это — промежуток. Свет приходит с нескольких сторон и не приказывает телу выбрать один силуэт.

— Такая полутень не отделится?

— Пока в ней нет одного края и одного невысказанного секрета, который хозяин считает врагом. Я не обещаю вечную безопасность. Я делаю пространство, где человек может решить, что сказать, записать или оставить при себе.

— Палата это испытывала?

Руна фыркнула, не поднимая головы.

— Палата прислала счёт за нарушение нормы яркости.

— Мы подали заявку, — сказала Вея. — Трижды. Первый образец разбили при досмотре. Второй не вернули. По третьему пришёл ответ: «Допустимое затемнение создаёт условия для теневой сделки». Поэтому теперь мы собираем данные сами.

Лада коснулась края испытательного шкафа. На внутреннем стекле не отражалось её лицо: поверхность была специально исцарапана тонкой сеткой.

— Мне нужен ваш третий образец.

— Нет.

— Даже если конверт доказывает, что постоянный свет используют для торговли секретами?

— Особенно тогда. Ты уже решила, что моя работа — удобный сейф для твоего доказательства. А если оно испортит опыт? Если украденная память перейдёт в полутень и Палата получит повод закрыть нас?

— Я не прошу рисковать мастерской вслепую.

— Ты уже принесла риск внутрь.

Сумка на табурете тихо скрипнула.

Все четыре женщины повернулись к ней.

Под кожаным клапаном выступил прямоугольный рельеф конверта. Металлическая застёжка стала холодной, и вокруг неё собрался тонкий ободок влаги.

— Оно ищет отражающую поверхность, — сказала Лада.

Вея быстро опустила защитные очки.

— Тая, гаши открытую горелку. Руна, журнал и песочные часы. Лада, ничего не доставай.

Тая повернула заслонку. Один из трёх светильников погас. Комната не провалилась во тьму: молочные экраны продолжали отдавать накопленный свет. Полутени стали заметнее, но ни одна не обрела края.

Вея подвезла на колёсах низкий ящик, обитый изнутри матовой жёстью. В его крышку были вставлены шесть стеклянных пластин, каждая под своим углом.

— Перенесёшь сумку сюда. Не открывать. Руна фиксирует время. Тая следит за дверью. Я меняю свет. Если увидишь лицо — не называй его.

— Почему?

— Имя связывает ожидание с образом. Ты же сама учила меня не подсказывать отражению адресата.

Лада перенесла сумку. Руна перевернула часы и произнесла:

— Девять сорок две. Предмет закрыт. Переносит курьер Орш. Мастер Орш не касается пломб.

Вея закрыла ящик, оставив между крышкой и стенкой щель шириной в палец. Затем зажгла фитиль под первой пластиной. Свет ударил в стекло, рассыпался на шесть тусклых полос и сошёл внутри ящика не лучом, а облаком.

Кожа сумки перестала скрипеть.

— Первый режим, — сказала Вея. — Рассеивание без зеркального возврата.

— Температура падает, — заметила Лада.

— Потому что предмет больше не кормят прямым взглядом.

Вея повернула вторую пластину. На крышке проступило бледное пятно. Оно напоминало окно в дождь, но не лицо.

Из ящика донёсся голос.

Не мужской и не женский — шорох, который пытался стать знакомой интонацией.

Лада напряглась. Она знала, кого ей хотелось услышать.

— Не заполняй, — сказала Вея.

Те же слова говорил Марк. От сестры они прозвучали иначе: не как совет специалиста, а как приказ человека, которому надоело собирать последствия.

Шорох сложился в два слога.

— Ла-да.

Она не узнала голос. Память о нём была вырезана, и теперь любой тембр мог занять пустое место.

— Это не отец, — сказала Вея.

— Я знаю.

— Тогда не смотри так, будто если подождать, станет он.

— Я сказала, что знаю.

— Ты всегда всё знаешь после того, как уже заплатила.

Руна кашлянула, напоминая о свидетелях. Вея не отвела глаз.

— Что ты потеряла?

Лада молчала.

— На виске у тебя теневой ожог, — продолжила Вея. — Ты считаешь слова перед ответом и не вздрогнула, когда оно заговорило голосом, похожим на его. Что ты отдала?

— Не отдала. У меня забрали.

— Что?

— Цвет ковра из нашей комнаты. То утро. И голос отца.

Вея сняла очки. На её лице не было жалости.

— Какой ковёр?

Лада хотела описать вырезанный угол, узор, руки матери. Но без цвета рассказ получался чужой описью.

— Тот, на котором мы сидели перед его уходом.

— Я не сидела.

— Сидела. У стены.

— Меня в то утро увела соседка. Ты обещала позвать, когда они закончат ссориться.

— Нет. Ты была там.

— Удобно, — сказала Вея. — Теперь, когда у тебя нет памяти, ты можешь оставить себе версию, в которой не прогнала меня.

Лада почувствовала, как пустое место внутри просит защиты. Достаточно было сказать, что Вея ошибается. Старшая сестра помнила расписание дома, счета, лекарства матери, ключи. Вея помнила обиды.

Но отражение в ящике именно так и возникло: желание живого получило право говорить за того, кого уже нельзя спросить.

— Я не знаю, — сказала Лада. — Возможно, тебя там не было.

Вея отвернулась к пластинам.

— Ты должна была позвать меня.

— Да.

— Я шесть лет думала, что отец ушёл, не попрощавшись со мной. Потом узнала от соседки, что он ждал внизу почти час.

— Почему ты не сказала?

— Когда? Пока ты платила мамин долг и каждый разговор заканчивала словами «сейчас не время»? Или когда решила, что моя мастерская — увлечение, пока она не понадобилась твоей работе?

— Я не считала её увлечением.

— Ты называешь её подвалом.

— Она под лестницей.

— И кормит трёх человек. И даёт спать двадцати семи семьям. А долг за комнату, в которой ни одна из нас не хочет жить, съедает половину твоего жалованья.

— Это мамина комната.

— Мама умерла.

Слова легли между ними резко, но тень Веи не отделилась. Серое пятно у её ног дрогнуло сразу в трёх направлениях и осталось частью тела.

— Вот, — сказала Вея тише. — Я могу произнести это здесь и не продать ни одного воспоминания. Не потому, что света много. Потому, что у слов нет одного принудительного выхода.

Лада посмотрела на полутьму сестры. Та не тянулась к стене, не раскрывала рот, не предлагала сделку. Просто показывала, что между светом и отсутствием света можно оставаться целой.

— Прости, что не позвала тебя тогда, — сказала Лада. — И что пришла сегодня без разрешения.

— Это два разных долга.

— Я знаю.

— Первый ты не выплатишь одним извинением.

— Знаю.

— И комнату я сохранять не хочу.

Вот здесь Лада могла уступить только словами. Настоящий ответ потребовал бы денег, визита к нотариусу и отказа от материнской двери, которую она считала последним якорем семьи.

— После возврата я покажу тебе все бумаги по долгу, — сказала она. — Решим вместе. Не обещаю продать комнату. Обещаю больше не решать за тебя.

Вея кивнула один раз.

— Это уже похоже на правду.

Внутри ящика что-то ударило в крышку.

Тая вскрикнула. На дальней стене появилась чёткая чёрная полоса — не от сумки, а от городской лампы за окном. Солнце поднялось выше, зеркальный козырёк соседнего дома поймал его и направил в щель над шторой.

Полоса коснулась Веиной полутени. Серое пятно вытянулось к ней, собираясь в руку.

Вея метнулась не к своей тени, а к испытательному ящику. Лада сорвала с крючка запасную ткань и закрыла световую щель. Руна перевернула столешницу: её нижняя сторона была покрыта молочным стеклом. Тая зажгла лампу под ней.

Свет поднялся снизу, распался о стекло и размыл чёрную полосу. Рука у ног Веи потеряла пальцы, затем запястье, затем снова стала пятном.

Из ящика раздался голос Мирры:

— Верните его.

Потом голос Агны:

— Сильного желания достаточно.

Потом — незнакомый мужской:

— Вход оплачен.

Руна записывала каждую фразу, не добавляя имён от себя.

— Оно не просто ищет отражение, — сказала Вея. — Оно проверяет, какая версия заставит нас открыть.

— Внутри девять гранов чужой памяти.

— Память не должна уметь выбирать голос.

— Ожидание отправителя умеет. А к нему примешали тень.

Вея подняла третью пластину. На этот раз свет внутри ящика стал почти тёмным — не отсутствием света, а множеством слабых лучей, ни один из которых не господствовал.

Голоса оборвались.

На матовой крышке показались две дуги. Они разошлись, не сумев замкнуться.

— Режим удержания, — сказала Вея. — Не сейф. Временная тишина.

— Сколько продержится?

— Если городская лампа не ударит прямо — до вечера. Если ударит, мы узнаем раньше: край полутени начнёт твердеть.

Лада достала бланк спорного возврата.

— Мастерская может принять предмет на независимое хранение до архивной сверки?

— Мастерская не зарегистрирована как хранилище.

— Тогда как испытательный образец. Без передачи владения. Я остаюсь ответственной и вернусь с архивисткой.

Вея посмотрела на Руну и Таю. Не на Ладу.

— Голосуем, — сказала она. — Риск общий.

Тая первой подняла руку.

— Если унесут конверт, всё равно придут за лампами, когда узнают, что мы умеем.

— Это не довод за риск, — заметила Руна. — Это довод перестать прятать результаты. Я согласна до вечера, при двух свидетелях и закрытом содержании.

Вея подняла руку последней.

— До вечера. Курьерская пломба остаётся целой. Любое изменение режима записывается. Если появится человек Палаты, предмет не выдаём без Мирры Вель или архивистки Воль.

Лада заполнила акт. В графе «особые условия» написала: «Содержание не подтверждено адресатом; голоса не считать волей Терена Веля». Руна и Тая расписались. Вея поставила не семейную фамилию, а знак мастерской — лампу с тремя лучами.

— Фамилия обязательна, — сказала Лада по привычке.

— Для городской формы — да. Для нашего журнала достаточно знака, который мы выбрали вместе.

Лада хотела возразить и увидела, что спорит голосом Палаты.

— В городской копии распишись полностью. В вашей оставь знак.

— Принимается.

Вея дописала: «Вея Орш».

На улице хлопнула дверь. По лестнице кто-то спускался медленно, останавливаясь на каждой площадке.

Тая прижала ладонь к шторе.

— Белый плащ.

Лада застегнула пустую курьерскую сумку. Конверт остался в испытательном ящике, но акт хранения лежал у неё под курткой.

— Если спросят, я принесла лампу на ремонт, — сказала она.

— Нет, — ответила Вея. — Если спросят, ты принесла спорное отражение, и мастерская законно испытывает его воздействие на свет по просьбе ответственного курьера. Мы не будем спасать частную правду ложью, которую легко купить.

— Вас закроют.

— Возможно. Но решение об этом принимаем мы.

Шаги остановились перед дверью.

Три удара: два коротких, один длинный.

Знак спорного возврата.

Лада встала рядом с сестрой, не впереди.

Вея не открыла. Сначала включила ещё одну лампу под столом. Полутени четырёх женщин разошлись мягкими пятнами и соединились на полу без единого резкого края.

— Кто? — спросила она.

— Енна Воль, архив отражений. У меня дубликат квитанции и человек, который утверждает, что уже доставлял этот конверт семь лет назад.

Лада и Вея посмотрели друг на друга.

Из испытательного ящика не донеслось ни звука.

— Открывай, — сказала Лада.

— Это моя дверь, — ответила Вея.

Она выдержала паузу и сама отодвинула первый запор.

Глава 7. Квитанция без подписи

Енна вошла первой. За ней протиснулся сухой мужчина в сером курьерском плаще старого образца. Плащ был застёгнут до подбородка, хотя в мастерской стояла духота. Мужчина всё время держал левую руку в кармане.

Вея заперла дверь.

— Имя, — сказала Лада.

— Сначала свет, — ответил мужчина.

Он оглядел молочные экраны и размытые пятна у ног женщин. Убедившись, что ни одна тень не имеет края, вынул руку. На безымянном пальце не хватало ногтя, а под кожей ладони темнела половина знака двойной дуги.

— Кир Орат. Бывший курьер шестой линии.

— Почему бывший?

— Потому что семь лет назад я доставил посылку мёртвому человеку за семь лет до его смерти.

Енна положила на стол две квитанции. Одну Лада уже видела в нулевой ячейке: выцветшую, с номером 6-17-0 и именем Терена Вея. Вторая была свежей копией нынешнего отправления. Номер совпадал до последней черты.

— У старых линий первые цифры означали маршрут и смену, — сказала Енна. — Шестая линия закрыта после реформы. Такой номер нельзя было присвоить заново.

— Однако присвоили, — сказала Лада.

— Не заново. Реестр считает оба отправления одним.

Вея не отходила от испытательного ящика.

— Если это один конверт, почему он здесь, а семь лет назад был доставлен?

Кир посмотрел на неё.

— Потому что я доставил не конверт. Я доставил отказ.

Он вынул из плоской дорожной сумки деревянную рамку без стрелки.

— Мне выдали запечатанное отправление на имя Терена Вея. Он был жив, но в ведомости стояла посмертная категория. Я заявил об ошибке. Старший курьер сказала: адресат заранее зарегистрировал последнюю комнату и просит испытать новый порядок.

— Агна Крой? — спросила Лада.

— Тогда она ещё сама ходила по маршрутам. Она пошла со мной.

— Какой был якорь?

— Серебряная запонка.

Руна записала ответ.

— Слишком мала для лица, — сказала Лада.

— Я сказал то же. Агна ответила, что новая техника считывает принадлежность, а не узнавание. Рамка вела на крышу дома Велей. Там стояла комната без стен и лампа.

— Медные стойки? Зеркальные нити?

Кир резко посмотрел на неё.

— Значит, она ещё существует.

— Что произошло наверху?

— Я поставил сумку под лампу. Стрелка исчезла с оси, будто её никогда не было. Потом на конверте проступило лицо Терена. Оно сказала: «Я отказываюсь».

— Отражение не выражает новую волю адресата, — заметила Енна.

— Рядом стояла будущая начальница Палаты и утверждала, что я вижу новый вид согласия.

— Вы поверили?

— Нет. Но поставил отметку.

Он произнёс это без оправдания.

— Какую? — спросила Лада.

— «Адресат отказался».

— Где подпись Терена?

— Агна сказала, что голос при двух служащих заменяет подпись. Я был первым. Она — вторым.

Енна развернула старую квитанцию.

— Здесь нет вашей фамилии.

— Я её стёр.

— С документа?

— Из себя.

Кир вынул маленькое зеркало. В нём отражались лампы, стол и плечо Енны, но на месте лица хозяина оставалось мутное пятно.

— На следующий день Агна показала мне журнал. Моей отметки там не было. Стояло «принято городом». Я потребовал исходный лист. Она сказала, что его никогда не существовало. Тогда моя тень предложила убрать стыд вместе с памятью о подписи. Я согласился.

— Тень не могла стереть чернила, — сказала Вея.

— Она стёрла знание, как я расписываюсь. Теперь любое моё имя выглядит поддельным.

Лада посмотрела на отсутствующий ноготь. Старые курьеры подтверждали доставку оттиском ногтевой пластины на мягкой пломбе.

— Ноготь сняли поэтому?

— Сам. Чтобы не заставили повторить отметку.

— Это не спасло документ.

— Нет.

Енна достала тонкий лист с оборванным нижним краем.

— Утром пришёл запрос на уничтожение матриц шестой линии. Это нашлось в корешке журнала. Кир не стирал фамилию с квитанции. Её отрезали вместе с нижним полем.

На обрывке читались верхушки букв и половина ногтевого оттиска. Лада приложила его к квитанции. Волокна совпали.

— Почему реестр принял новый конверт под старым номером? — спросила Вея.

Енна нарисовала две клетки.

— Обычная доставка закрывается подписью адресата или хранителя. Но эта квитанция не закрыта. Формула «принято городом» держит её открытой без конкретного получателя. Новый конверт считается продолжением старого.

— Значит, к нему можно добавлять чужие ожидания бесконечно, — сказала Лада.

— Пока город числится хранителем.

— Город не может выразить согласие.

— Именно поэтому он никогда не откажется.

В испытательном ящике скрипнула кожа. Двойная дуга на матовой крышке начала сходиться.

Вея проверила пластины.

— Свет не менялся.

Кир попятился.

— Оно слышало номер.

— Или формулу, — сказала Лада. — Не произносите её снова.

Снаружи постучали четыре раза.

— Курьер Орш! По приказу начальницы Крой предъявите отправление 6-17-0.

Никто не ответил.

— Они знали, что оно здесь, — прошептала Тая.

— За Енной следили, — сказал Кир.

— Я меняла подъёмники и плащ. Хвоста не было.

Вея указала на руку Кира. Полудуга под кожей стала чернее.

— Метка привела их.

Кир спрятал ладонь.

— Я не знал.

— Зато тень знала, — ответила Лада. — Вы оставили ей маршрут к любому продолжению номера.

За дверью повторили приказ и пригрозили закрыть мастерскую. Лада подошла ближе.

— Назовите отправителя!

— Палата отражений.

— Назовите живого человека, чья воля помещена в конверт.

Пауза.

— Сведения закрыты. Приказ под дверью.

Тая подцепила лист деревянными щипцами. Приказ требовал изъять отправление как «ранее принятое городом и незаконно выведенное из места хранения». Основание датировали семью годами раньше. Внизу стояли подписи Агны и Кира.

— Я не мог подписать это сегодня, — сказал Кир.

— Подпись старая, — ответила Енна. — Перенесена с первичного акта.

Лада сравнила верхушки букв на обрывке с подписью. Совпадал даже разрыв от плохо продавленного ногтя.

— Исходную подпись используют как постоянное согласие курьера, — сказала она. — Этот приказ сам доказывает перенос.

— Отдайте обрывок, — потребовал Кир.

— Это архивный документ.

— Это моё имя.

Он рванулся к столу. Лада перехватила его запястье, но метка коснулась резкой тени от щипцов.

Полудуга замкнулась.

Тень Кира отделилась тонкой лентой и метнулась к испытательному ящику.

— Свет снизу! — крикнула Вея.

Тая открыла заслонку. Руна опрокинула молочный экран. Свет размыл пол, но тень уже нашла щель в крышке.

Изнутри ответила другая тень.

Две чёрные линии соединились в двойную дугу. Крышка приподнялась на толщину ногтя. Пломбы конверта остались целы, однако из щели вылетел клочок бумаги и прилип к ладони Кира.

На нём проступили слова: «Адресат отказался».

Ниже появилось место для подписи. Тень потянула левую руку Кира к строке.

— Я не умею подписывать, — выдохнул он.

— Тогда скажите отказ своими словами, — велела Лада. — Не их формулой.

Вея повернула все шесть пластин внутрь. Свет замкнулся в стеклянном круге. Тень лишилась внешнего края и распалась на пятна.

— Я не разрешаю использовать моё старое имя, — произнёс Кир. — Я не подтверждаю доставку, которой не помню. И не отдаю тени право решать вместо меня.

Бумага почернела по краям. Строка подписи исчезла. Руна занесла слова в журнал.

Лада приоткрыла дверь на цепи и показала служащим копию приказа с совмещённым обрывком.

— Подпись свидетеля изъята из незакрытой квитанции и перенесена в новый приказ. Основание оспорено при четырёх свидетелях. Отправление остаётся закрытым до независимой сверки.

— Мы опечатаем помещение.

— Это нарушит вентиляцию ящика и создаст резкую тень, — сказала Вея. — Последствия будут вашими.

Служащая помедлила.

— Инспектор Савин уже даёт показания начальнице.

Лада почувствовала желание немедленно идти к Марку и проверила, кому оно выгодно.

— Его показания принадлежат ему. Мой маршрут — мне.

Она закрыла дверь. Белые плащи вскоре ушли, оставив наблюдателя у переулка.

— Я думал, если забуду подпись, они не смогут ею пользоваться, — сказал Кир.

— Документам не нужна ваша память, — ответила Енна. — Поэтому архив существует не только для Палаты.

Лада подняла пустой клочок. Его волокна совпадали со старой квитанцией.

— Конверт не ждёт решения адресата. Он печатает отказ и ищет любую живую руку, которую можно принять за согласие.

— В нулевой ячейке таких квитанций триста восемьдесят четыре, — сказала Енна. — И каждая могла получить сколько угодно продолжений.

Лада посмотрела на ящик. Там лежали желание Мирры, украденное утро Лады и чужие голоса: не посылка одному умершему, а узел, куда годами складывали всё, чему хотели дать чужое имя.

— Нам нужны живые отправители и владельцы теней, у которых забрали воспоминания.

— Реестр первых не покажет, — ответила Енна.

— Тогда пойдём туда, где тени продают вторым.

Кир поднял ладонь с бледной меткой.

— Я знаю место, где тень предложила стереть подпись. Столовая на Глухой лестнице. Хозяйку зовут Сима.

Имя было знакомо каждому ночному курьеру. Сима кормила их после закрытия официальных столовых и никогда не зажигала лампу над дверью.

— Сначала копии, — сказала Лада. — Отдельно у Енны, Вей и Кира. Ни у кого не будет всего доказательства.

На крышке ящика две дуги медленно разошлись.

Впервые за семь лет квитанция оставалась открытой не потому, что город присвоил себе право ответить.

Она оставалась открытой, потому что живой свидетель отказался подписывать чужую волю.

Межчасть I. Недоставлено

Квитанция 6-17-0

Отправитель: ПАЛАТА ОТРАЖЕНИЙ.

Волеизъявитель: поле закрыто служебной печатью.

Адресат: Терен Вель.

Состояние адресата на дату первого маршрута: жив.

Состояние адресата на дату последнего маршрута: умер.

Вещь-якорь: серебряная запонка. Узнавание лица не подтверждено.

Последняя признанная комната: нулевая.

Адрес комнаты: ГОРОД.

Результат доставки: НЕДОСТАВЛЕНО.

Причина: адресат отказался.

Подпись адресата: отсутствует.

Подпись хранителя: отсутствует.

Подпись курьера: изъята из исходного документа; использована повторно без подтверждённого согласия.

Примечание реестра: отказ считается действительным, поскольку город принял отправление на хранение.

Возражение курьера Лады Орш: город не является ни телом, ни памятью, ни свидетелем собственного узнавания. Он не может согласиться хранить чужое лицо. Он не может отказаться от имени умершего. Открытая строка не означает вечного разрешения.

Возражение свидетеля Кира Ората: моё забытое имя не становится чужой подписью.

Решение: квитанцию не закрывать.

Основание: впервые отсутствует не подпись адресата, а право системы считать отсутствие подписи согласием.

Глава 8. Столовая Симы

На Глухой лестнице не было эха.

Лада заметила это на третьем пролёте. Подошвы касались камня, перила поскрипывали под рукой, в вентиляционной шахте ходил ночной воздух, но лестница не возвращала ни одного звука. Будто дом принимал всё сказанное и не выпускал наружу.

Кир шёл впереди. Он не оглядывался и держал левую руку прижатой к груди. Енна осталась в мастерской с квитанциями, Вея — с конвертом. Разделить доказательства было разумно. Оставить сестру рядом с вещью, уже однажды заговорившей голосом их отца, — нет. Но Вея сама закрыла перед Ладой дверь и сказала, что не нуждается в назначенном за неё спасении.

Рядом поднимался Марк.

Он ждал их у нижней арки без инспекторской перевязи и серебряной скобы. После допроса лицо у него стало серее обычного, на правом запястье осталась полоса от служебного зажима. Лада спросила только, свободен ли он уходить. Марк ответил: «Пока да». Этого было достаточно для дороги и недостаточно для доверия.

— Почему она называется Глухой? — спросил он.

Кир поднял палец к губам.

На площадке висела городская лампа. Половину стёкол в ней заменили белыми жестяными пластинами, и свет бил не вниз, а в стену. У ног возникали мягкие серые пятна. Марк остановился, рассматривая переделку.

— Незаконное затемнение общественного прохода, — сказал он по привычке.

— Запишете? — спросила Лада.

— Уже нечем.

Он показал пустое место на поясе, где прежде висела книжка предписаний.

Кир снова пошёл вверх. На последней площадке не было вывески — только медная ложка, прибитая к двери чашей внутрь. Из щели тянуло печёным луком, ржаным тестом и горьким корнем. Ночные курьеры знали этот запах лучше номера дома.

Кир постучал: один раз, два коротких, ещё один.

— Сегодня без сделок, — произнёс женский голос за дверью.

— Мы пришли не покупать.

— Так говорят те, у кого ещё есть чем платить.

Дверь открылась на ширину ладони. Сима Лавр посмотрела сперва на Кира, затем на Ладугу, последним — на Марка. Ей было около сорока пяти. Седая прядь пересекала тёмные волосы от виска до затылка, словно след слишком яркого света.

— Инспекторов не кормим, — сказала она.

— Я отстранён.

— Голод от этого не меняется. Привычки — тоже.

— Сима, — вмешался Кир. — У них открытый номер.

Дверь распахнулась.

Столовая занимала две соединённые комнаты. В первой стояли длинные столы, печь и котлы. Каждая лампа была заключена в решётчатый медный футляр, разбивавший свет на десятки слабых лучей. Посетители сидели так, чтобы не заслонять свет друг другу. У каждого оставалось пятно под стулом, но ни одно пятно не имело цельного края.

Вторая комната начиналась за занавесью из деревянных бусин. Оттуда доносился шёпот.

Сима заперла дверь и указала на таз с водой.

— Руки. Лица не моем. Зеркальных поверхностей не достаём. Имена называем только свои.

Лада вымыла руки. Вода отражала потолок, но Сима бросила в таз щепоть золы, и поверхность помутнела. Марк снял с пальца служебное кольцо и положил в карман.

— Почему без отражающих вещей? — спросил он.

— Потому что тень продаёт то, что человек не сказал, а отражение повторяет то, что он хотел увидеть. Когда они встречаются, покупатель редко понимает, за что заплатил.

Сима поставила перед ними три миски похлёбки. Киру — четвертую, пустую.

— Я не голоден, — сказал он.

— Это не тебе.

Она отнесла пустую миску к стене, где свет был слабее, и поставила на пол. Затем села рядом, опустив ладони на колени.

— Можешь выйти, — сказала Сима.

Из-под её стула отделилась тень.

Лада схватилась за рукоять курьерской рамки. Марк сделал шаг вперёд и тут же остановился: без скобы ему было нечем удерживать отделившийся силуэт. Тень Симы поднялась по стене, хотя лампа не меняла положения. Она была меньше хозяйки и заметно моложе: тонкая шея, коротко стриженные волосы, рука, всё время касавшаяся груди.

Никто за дальними столами не закричал. Посетители лишь отодвинули ноги, оставляя ей путь.

Тень склонилась над пустой миской.

— Что она ест? — спросила Лада.

— Место за столом, — ответила Сима. — Иногда этого достаточно.

— Отделённую тень надлежит... — начал Марк.

— Договаривайте, бывший инспектор.

Марк посмотрел на пустой пояс.

— Зарегистрировать и заключить в бесповоротный световой контур.

Тень Симы повернула голову. На стене не было лица, но Лада почувствовала её внимание.

— А потом? — спросила хозяйка.

— Если владелец не согласится на слияние — хранить отдельно.

— До смерти владельца. После смерти сжечь контур вместе с тем, что тень знает. Так написано?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.